

**Мысли и изречения
святитель Филарет Московский (Дроздов)**

Духовное наследие

О божественных свойствах Пресвятой Троицы

Бог есть круг, средоточие которого везде, а окружие нигде. Бог есть Любовь по существу, даже Само существо любви. Все Его свойства суть облачения любви, все действия – выражения любви. В ней обитает Его всемогущество во всей своей полноте. Любовь есть Его истина, когда осуществляет возлюбленное ею; она есть Его премудрость, когда учреждает существующее или существовать имеющее по закону истины; она есть Его благость, когда премудро раздает истинные дары свои; наконец, она есть Его правосудие, когда степень и род ниспосылаемых или удерживаемых даров своих измеряет премудростью и благостью, ради высочайшего блага всех своих созданий. Любовь Отца – распинающая. Любовь Сына – распинаемая. Любовь Духа – торжествующая силой крестной. Бог Отец есть Отец Славы, Сын Божий есть сияние Славы Его. Источник добра и силы – один Бог. Если человек стоит в добре и через то пребывает в общении с Богом, то он непрестанно почерпает от Бога силу делать добро и потому свободен он желать добра и силен делать его. Но если он допустил себя до греха и через это разлучился с Богом, то по мере удаления от Бога уменьшается для него возможность черпать от Бога и силу. А когда воля человека, по природной свободе своей, делает опять движение к добру и к Богу, сила делать добро уже не соответствует желанию его, и человек не может прийти к Богу сам собой, без особенного, чрезвычайного низведения к нему силы Божией: нужна помощь, посредством которой расстояние между Богом и человеком было бы заполнено, разделение уничтожено, общение, никем не пресекаемое, восстановлено. И такое посредство есть Богочеловек. Дух Святой есть невещественный огонь, который действует двумя силами: светом и теплотой – светом веры и теплотой любви. Он разгоняет тьму неведения и сомнений; открывает обманы призраков, которых разум, погрязший в чувственности, нередко принимает за истины; дает человеку видеть себя самого в наготе растленной природы, познать мир по отношению к душе и ощутить присутствие Бога, как источника света. Как всегда есть Бог, так всегда есть и чудеса, потому что Бог как всегда существует, так всегда же и действует: если Он действует, то очевидно, что есть дела Божий. Дела собственно Божий – суть чудеса.

Бог – источник благодати

Благодать возобновляет и возвращает человеку все, что грехом разрушено. Она вновь человеку почерпает духовную жизнь из Бога, Который является ее источником, вводит его в сочленение бессмертного Тела Христовой Церкви, и когда земная храмина его тела разорится, уготовляет храмину нерукотворенную на Небесах. Признать, что в нас и для нас в этом мире нет истинного духовного блага, и просить усердно духовной милости от Подателя всех благ – Бога – есть дело нищего духом. Благодать есть даяние от Благого, даяние благое, даяние по единой благодати, без предварительного права или заслуги и достоинства приемлющего. Человек живет непрерывными благодеяниями Божиими: он весь составлен из даров и благодеяний Божиих, он бесконечно погружен в благодеяния Божий.

О близости Творца к Своему творению

Если душа человека есть дыхание из уст Господних, как повествует Книга Бытия, то какова близость между дыханием и дышащим – такова должна быть близость между Богом и человеческой душой. Для того, чтобы с нами был Бог, надобно, чтобы мы были с Ним. Будь всегда с Богом, если хочешь, чтобы Бог был с тобою. Ищи Бога мыслью на Небесах, любовью в сердце, благоговением в храме, везде ищи Его – делами, для Него предпринимаемыми и совершаемыми. Иди путем, который ведет к Богу, и тем же путем будешь приближаться к премудрости. Путь же к Богу известен: благочестивое размышление, молитва, вера. До Бога ни низко, ни высоко, ни близко, ни далеко, потому что Он вездесущ и потому ближе к тебе, нежели твоя душа к твоему телу; только умей найти эту близость верой и молитвой.

О дарах Божиих

Не даров у Бога недостает для нас, а нас недостает для даров Его. Благодарность Богу за полученные от Него дары есть сосуд, в который благодать Божия полагает новые. Бог по беспредельной благодати и милосердию всегда готов все даровать человеку, но человек не всегда готов принять от Него что-нибудь. Как милосердию Божию свойственно открывать для нас, даже и недостойных, сокровища благодати Своей в ожидании нашего покаяния и исправления, так равно и правосудию Его свойственно отнимать Божественные дары, оскорбляемые пренебрежением, и наказывать неблагодарность.

Церковь дарована Богом для спасения

Можно сказать, что не столько человек созидает и посвящает храм Богу, сколько Сам Бог дарует Свой храм человеку. Имея усердие к созданию храма, имейте усердие ко храму созданному. Можешь пить воду в своем доме; но надобно, чтобы по временам ты приходил почерпать ее из источника или реки. Подобно сему можешь и в твоём доме, и в уединенной храмине сердца твоего вкушать от воды благодати в молитве. Но надобно, чтобы по временам приходил ты почерпать воду благодати в храме Божиим, где она особенно жива и живоносна, как в источнике, и обильна, как в реке.

Верность и преданность Господу проявляется в соблюдении Его закона и заповедей

Вера, противоположная погибельному навыку, колеблемости, отступлению вспять, непостоянству, измене, есть верность, верность Богу и Христу в неизменном исповедании Православной веры, верность в отношении к заповедям Божиим, состоящая в неслепом их исполнении, верность в отношении к Таинствам, дарованиям, служениям, в тщательном употреблении силы по намерению Божию, во славу Божию. Вера научает не столько исследовать, сколько чувствовать и со смирением взывать к Отцу Небесному. Ревность по вере есть духовный огонь. Как мудрость светит в уме, как любовь согревает сердце – так ревность, сложное действие этих двух сил, воспламеняет все существо того, в ком она есть. Она является в нем напряженной деятельностью, которая все, что может ей покориться, могущественно направляет к своей цели: способное к очищению очищает и возвышает, смешанное разделяет, нечистое и тленное разрушает, противоборствующее отражает и рассыпает. Преданность Богу – лучшая жертва Ему и вернейший залог Его благословений. Преданность Богу есть такое расположение духа, в котором человек всего себя, все, что ему принадлежит, все, что с ним случиться может, предоставляет воле и Провидению Божию, так что сам остается только стражем своей души и тела. Если цель всех законов есть правда, порядок, благо и если всеобщее основание всякого блага, порядка и правды лежит в благой, премудрой и святой воле Божией, то всеобщее основание и корень законов -не делать и не попускать ничего противного воле Божией, а это и значит бояться Господа.

Справедливость Суда Божия

Смотрите, как дивен Суд Божий! Как он точен и строг! Наказание с преступлением измеряются одной и той же мерой. Если человек постыдится Христа – вот преступление; Христос постыдится человека – вот наказание. Удовлетворить Правосудию Божию -значит предать грешника вечной смерти; после этого совершенно исчезает для него возможность Вечной Жизни. Болезнь телесная есть одно из орудий Правосудия Божия. Горькое, посылаемое от руки Небесного Врача, более благоприятно здравью душевному, нежели сладкое, предлагаемое миром.

Многими скорбями подобает войти в Царство Небесное

Человек рождается, живет и умирает, находясь под законом страдания, будучи еще более других тварей покорен этому закону. Роженица мучится, младенец плачет, умирающий страдает, плачут оставшиеся после умершего. С начала жизни человек страдает от недостатка сил, от несовершенного развития способностей, под конец жизни – от утраты сил и способностей. Если между этими крайностями есть какая-то середина, она через край наполняется страданиями, оттого что человек никогда не находит способностей и желаний своих удовлетворенными. Бог действует во временной жизни человека, поврежденного грехом, не столько как судья, потому что этому еще будет особое время в конце веков, но преимущественно как врач, чему теперь-то и есть время. Поэтому и определяет человеку меру бедствия и скорби не как отсчитанное воздаяние за дела, но как прием врачевства, способный победить силу греховной болезни. Разум, недостаточно покоренный вере и не вполне ею просвещенный, не вдруг усмотреть может, подлинно ли и почему путь к Царствию Божию должен лежать непременно через скорби. Всякое благо, всякая радость, всякое удовольствие в природе, более или менее дорогое, покупается страданием. Если вы охотно идете и тернистым путем, помышляя, что он ведет в отеческий дом, то проходите охотно поприще скорбей, ведущих в Царствие Божие. Кто не подвергает себя добровольно очистительной работе внутренней скорби покаяния и самоукорения, а также внешних скорбей не приемлет с терпением и смирением, тот еще не находится на пути к Царствию Божию, указанном в Евангелии. Бог хочет от тебя терпения и надежды, когда подвергает душу лишению, для ее испытания и очищения. Если и Христос, не сотворивший греха, пострадал, можно ли нам, грешным, роптать на страдание? Если опасность, бедствие, скорбь колеблют твое мужество, истощают твое терпение, помяни Матерь Господа, стоявшую при Кресте Его. Как приращение железа к твердому камню высекает искры, которых до того не было и признака, так при ударах скорбен блистают из твердой души искры добродетели, которые без того не возбудились бы.

Молитва – высшая потребность души и источник всякого блага

Молитва есть одна из высших потребностей души человеческой, одна из существенных принадлежностей Богопочитания. Душа, погруженная в чувственность, рассеянная, омраченная грехом, не чувствует, что по своему началу она есть дыхание уст Божиих. Но сила этого чувства без ее ведома возникает из ее глубины и движет сердце к Богу, хотя бы и к неведомому или только погрешительно известному. В наше время мы много хвалимся и не довольны каемся. А время советует меньше хвалиться и больше молиться. Сердца твоего требует Господь. Молитву Церковь влагает в уста, чтобы она проникла в сердце. Чтобы нищему принять милостыню, надобно ему протянуть руку; чтобы младенцу принять пищу, надобно ему открыть уста. Подобно сему надобно человеку простираться к Богу, чтобы достигнуть благодати его, надобно иметь отверстую душу, чтобы принять дары Его. Молитва есть простертая рука для принятия благодати Божией, отверстые уста для вкушения пищи Небесной. Благодатный дух дарован молитве от Бога для помощи грешникам, восчувствовавшим и возненавидевшим свою греховность, решительно возжелавшим очищения и совершенного исправления, – тем, у кого недостает только силы делать добро, а не доброго намерения.

Какая молитва угодна Богу?

Приносишь фимиам, но не приносишь молитвы; возжигаешь свечу, но не горишь духом! Молитва духом есть такое молитвенное состояние, в котором человек, воскрыляемый верой и любовью, самой, так сказать, вершиной существа своего, своей высшей способностью и силой, которой он как бы соприделен Божественному, стремится и восторгается к Духу Божию, приемлет наитие Его, предается этому наитию, так что уже не столько сам человек молится, сколько дышит в нем Дух Святой, дышащий, идеже хочет, Сам Дух Святой ходатайствует о нем воздыханиями неизглаголанными (Рим. 8, 26), то есть глаголом, нередко превышающим разумение человека чувственного. Молиться Отцу Небесному во имя Господа Иисуса значит не устами только произносить звуки этого имени, но к Самому призываемому возводить внимание ума, обнимать Его верой, любовью принимать Его в свое сердце. Молитва умом есть такой образ молитвы, когда ум молящегося хоть и возвышается к Богу с благоговейными мыслями, с благочестивыми желаниями, со святыми чувствами умиления или радости, но не предается влечению духовного восторга неограниченно, а управляет своими мыслями, желаниями, чувствованиями так, что духовные силы действуют в обыкновенном, им свойственном порядке, а молитвенные прошения и славословия изрекаются в словах, понятных всем. Посему и слушающих могут побуждать к участию в молитве. Надобно различать дело молитвы от услаждения в ней. Дело делает человек и должен делать постоянно и неослабно по правилу и порядку, а утешение дарует Бог по благодати, когда это нужно для привлечения или подкрепления человека и когда человек оное принять может. Подобным образом и чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и упадать духом, но чтобы оставлять надежду на себя и через молитву о помощи переходить к надежде на Бога.

Молитвой освящай день

Когда утром пробуждаешься от сна, помысли, что Бог дает тебе день, которого ты сам себе не мог бы дать, и отдели первый час или хотя первую четверть часа даруемого тебе дня и принеси ее в жертву Богу, в благодарной и благопросительной молитве. Чем усерднее ты это сделаешь, тем более освятишь свой день, тем крепче оградишь себя от искушений, каждый день встречающихся. Подобно сему, когда отходишь ко сну, помысли, что Бог дает тебе покой от трудов, и отыми начаток от времени твоего покоя, и посвяти его Богу чистою и смиренною молитвой. Ее благоухание приблизит к тебе Ангела для охранения твоего.

Молиться можно везде

Если человек год работал Богу и не оставит доброго намерения – работа сия не может пропасть от перемены обстоятельств. И в семейной жизни можно находить и отделять время для молитвы и молчания. Домашнюю молитву Господь примет вместо церковного богослужения, когда в сем участвовать нет удобства. Двум господам работать никто вам не советует. Но работать Господу можно и в уединении, и в семье. Если же точно видите препятствие в сем последнем положении, останьтесь в первом.

Благодать испрашивается молитвой

Молитва есть главная нить, которой разрешается весь узел духовных тайн, и ключ, которым отверзаются все сокровища благодати. Щедро Бог дарует благодать, но не расточает ее напрасно.

Молитвой проверяется духовное состояние человека

Молитва есть дело такой важности в жизни духовной, что если бы кто хотел решить для себя, находится ли он на пути к совершенству жизни духовной, то ему надлежало бы примечать, имеет ли он какой-нибудь успех в молитве. Состояние человека без духа молитвы есть состояние человека бездыханного.

Послушание любви и послушание страха

Есть послушание любви, послушание страха, послушание веры. В начале человек жил, как сладкой пищей, послушанием любви к Богу Всеблагому и Всесовершенному. Но после того, как эту блаженную жизнь отравил он вкушением от запрещенного древа, для него необходимо, как горькое врачевство, послушание страха перед Богом, праведным Судией, и послушание веры в Бога и Христа, Помилователя. Исцелителя и Спасителя, чтобы, наконец, по мере исцеления вновь питаться сладкой и бессмертной пищей – послушанием любви. Так от послушания зависит духовная жизнь человека и христианина, почему слово апостольское и нарицает христиан чадами послушания: Как послушные дети не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем (1Пет. 1, 14). Страх рабский при служении Богу есть внутреннее расположение души, которая боится Бога, карающего за грех, и потому отвращается от греха и убегает от всего, Богу неугодного. Страх сыновний есть внутреннее расположение души, благоговейно любящей Бога, как Всеблагого Отца, и по любви боящейся оскорбить Его. Высшая степень сыновнего страха есть страх чистый, совершенно пронизанный любовью и освобожденный от рабской боязни. Напротив того, низшая степень рабского страха есть страх раба лукавого и ленивого – такое внутреннее состояние человека, в котором он боится не столько Бога, сколько гонения за грех и потому, хоть отчасти и служит Богу внешне, но внутренне не ненавидит греха, не подвизается против него для добродетели и готов предаться ему, как скоро может представить его не таким тяжким, чтобы за него грозила вечная мука.

О радости духовной

Праздник без духовной радости, без сердечного в нем участия, без внутреннего чувства есть тело без души. Когда радость Господня, утешение внутреннее или духовное посещает и наполняет сердце, тогда человек находит себя духовно услажденным и насыщенным так, что алкание внешних услаждений утихает и перестает. Как ничтожен их вкус, как низко погружение в них, как отвратительно их излишество, показывает тогда ему опыт лучшего и высшего. Тогда если радость духовная возбуждает и движет его, то движет, по свойству своему, к делам духовным и богоугодным. Действие радости, обыкновенной на земле, подобно действию вина: состояние радости есть состояние упоения.

О внутренней свободе

Рождение естественное достигается и совершается необходимым ходом природы, а рождение духовное – свободным стремлением к Богу и верой во Христа. Истинная свобода есть свобода христианская, свобода внутренняя, а не внешняя, свобода нравственная и духовная, а не плотская, которая всегда всё во благо устрояет и никогда не бывает мятежной, она может жить в хижине так же удобно, как и в доме вельможи или царя; ею пользуется подвластный, не переставая быть подвластным, эта свобода и в узах и в темнице ненарушима, как то можно видеть у христианских мучеников.

О любви к Богу и ближнему

Любовь к Богу ревнует по Богу; любовь к человеку милует человека. Любовь к Богу требует, чтобы был соблюден Закон правды Божией; любовь к человеку не оставляет и нарушителя Закона погибать в неправде своей. Любовь к Богу стремится поразить врага Божия; любовь к человеку вочеловечивает Божество, чтобы посредством любви к Богу обоготворить человечество. Любовь к Богу все обращает в средства к нашему спасению и блаженству; без нее никакие средства не достигают цели. Не будет светить светильник без елея, и молитва не озарит духа без любви. Не взыдет без огня курение кадила, и молитва без любви не взыдет к Богу. Любовь Божественная изгоняет из сердца самолюбие, попадает в нем терние плотских желаний, очищает его и привлекает в душу новый свет. Закон всеобщей любви, стремящейся обнять всех человеков, необходимо должен дать человеку так много дела, что не останется места досугу. Учение, которое не сердцем любящим приемлется, есть семя, сеемое в снег. Сколь высоко не восходила бы лестница ваших добродетелей, она не возведет вас на Небо и неожиданно может бедственно обрушиться вместе с вами, если вверху ее нет последней ступени, которая одна только крепко и непоколебимо прикасается к Небу. Спросите ваше сердце: любит ли оно Того, Которого веру и Закон приемлет, Которому приносит покаяние и молитву? Что сказать о побуждениях к добродетели, о страхе суда и надежде воздаяния, которыми заменяют любовь те, кто не познал силы её? Это есть подпоры, необходимые для созидающих дом душевный. Но не на них лежит высота и красота здания духовного. Работающий из страха есть раб, трудящийся за воздаяние есть наемник. Жизнь человеческая в своей деятельности движется между тремя пределами, приражаясь к которым неправильно, приводит она в замешательство собственные движения и повреждает сама себя. Эти духовные пределы суть: сам человек, ближний и Бог. Чтобы дать жизни во всех отношениях верное направление к истинной цели, то есть к вечному спасению и блаженству, спасительная благодать дарует и научает употреблять три силы: целомудрие, чтобы человек плотоугодием не повреждал сам себя; правду, чтобы он корыстолюбием не приражался к ближнему; благочестие, чтобы он гордостью и нечестием не оскорблял Бога.

Смирение – соль всех добродетелей

Смирение есть соль всех добродетелей. Как соль придает пище вкус, так смирение сообщает добродетелям совершенство. Без соли пища легко повреждается; без смирения добродетель удобно растлевается гордостью, тщеславием, нетерпеливостью и погибает. Слава Христу Богу, явившемуся в смирении естества нашего, да явит нам образы смирения. Он явился в вертепе, чтобы мы довольны были и убогой кельей, в яслях, чтобы мы не требовали мягкой постели, в пеленах, чтобы мы любили простую одежду, в лепете младенческом, да будем как дети простотой и незлобием и да не употребляем своего языка на празднословие. Сие да мудрствует в вас и да мудрствует во мне, о сем прошу молитв ваших. Смирением можно научить и других смирению; гордостью нельзя смирить гордых. Находясь на дне глубокого колодца, и дном можно увидеть звезды, это справедливо; только глубина должна быть узкая и крутая, мало доступная солнечному свету. Чем глубже человек в смирении, тем лучше видит Небо. Как град, на вершине горы стоящий, сколь ни скромны его здания, виден издалека, так и душа, приближенная к Небесным силам, вознесенная на гору Закона Божия, чистотой, верой и любовью в Боге обитающая и соделавшаяся обителью благодати Божией, – сколь ни скромны ее слова, сколь ни смиренны ее действия, и в смирении своем открывает свою возвышенность и скромностью не может скрыть своей внутренней славы от очей сколь-нибудь очищенных. Одно смирение может водворить в душе мир. Душа несмиренная, непрестанно обуреваемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, как хаос; положите во основание ее смирение, тогда только начнет являться в ней истинный свет и образовываться стройный мир правых помыслов и чувствований. Гордое мудрование с умствованиями, извлеченными из нашей земной природы, восходит в душе как туман с призраками слабого света; дайте туману сему упасть в долину смирения, тогда только вы можете увидеть над собою чистое высокое небо. Движением и шумом надменных и от всего мятущихся мыслей и страстных желаний душа оглушает сама себя; дайте ей утихнуть в смирении, тогда только будет она способна вслушаться в гармонию природы, еще не до конца расстроенную нынешним человеком, и услышать в ней созвучия, достойные Премудрости Божией. Так в глубокой тишине ночи бывают чутки и тонки отдаленные звуки. В обличении заблуждений и заблуждающихся терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение, осторожность так же нужны, как и ревность.

О сердце сокрушенном

Как из разбитого сосуда истекает то, что в нем есть, так из сокрушенного сердца источаются слезы покаяния и печали по Богу. Если даются слезы, надобно благодарить благоутробного Бога и пользоваться ими для очищения души. Но как ничего не должно быть чрезмерно, то и слезам иногда надобно поставлять предел, через обращение ума к другому доброму занятию. Когда человек, входя в самого себя, усматривает перед лицом Божиим свои недостойнство, нечистоту, греховность, тогда дух его, который до того, может быть высился и величался каким-нибудь своим добрым качеством или преимуществом внешним, от обличения совести, как от молнии дерево, сокрушается и низлагается.

Чистая совесть открывает волю Божию

Если искренно желаешь знать волю Божию, есть и для тебя Ангел, который близок и готов открыть ее. Это твоя совесть. Внимай совести твоей, не заглушай тонкого гласа ее шумом страстей твоих – и будет открываться тебе воля Божия, и будешь на пути послушания.

Закон Божий есть закон жизни

Дав бытие, Бог дал бытию Закон, по которому оно действовало бы ко благу. Действование по этому Закону есть жизнь. Произвольное отступление от этого Закона есть грех. Уклонение от Закона есть неизбежное падение в низший круг действия, расстройство, разрушение, смерть. Если цель всех законов есть правда, порядок, благо и если всеобщее основание всякого блага, порядка и правды лежит в благой, премудрой и святой воле Божией, то всеобщее основание и корень законов – не делать и не попускать ничего противного воле Божией, а это и значит бояться Господа.

Жизнь дана человеку для стяжания бессмертия. Все видимое исчезает, как тень

Мир считает забавы почти такой же потребностью жизни, как труд, пища и покой. Он думает жить, играя. Нет: жизнь не игра, но дело важное. Земная жизнь дана человеку для того, чтобы из неё посредством свободной воли, силой Божией благодати выработать вечное блаженство. Кто понял сие дело и занялся им, как должно, тот едва ли найдет много времени для игр и забав. Какая польза строить на песке, писать на воде, гнаться за ветром или бегущей тенью? Для чего корыстолюбивые, честолюбивые, завистливые насытыми глазами хотят поглотить весь мир? Прежде, нежели они смогут насытиться, исчезнет мир, и прежде, нежели мир исчезнет, исчезнут они из мира. Видимое, когда не на него единственно смотрим, но стараемся проникать далее, становится увеличительным стеклом для созерцания невидимого. Как жизнь временная есть едва приметное мгновение перед вечной, так жизнь телесная, или чувственная едва заслуживает названия жизни в сравнении с жизнью духовной. Если безрассудно привязывать себя слишком крепкими узами любви к видимому, которое вскоре может быть похищено временем, то не более благоразумно и самому себя отягчать бременем печали о видимом, которое уже временем похищено. Если твари низших степеней разрушаются для воссоздания, умирают для новой жизни, то человек, венец земли и зеркало Неба, падет ли во гроб для того только, чтобы рассыпаться в прах надежнее червя, хуже зерна горчицы? Забвение невидимого и пристрастие к видимому были началом зла в человеке: то же начало действовало и действует и теперь в распространении зла между людьми. Как никого не спасает одно внешнее пребывание в пустыне, так и не погубляет никого внешнее жительство в мире.

Грех разрушает человека и ведет его к гибели

Грех, как отлучение от Бога есть вместе и отчуждение от жизни Божией и, следовательно, раньше или позже – смерть. Для существа телесного, разрушимого – временная, а для духовного, неразрушимого – вечная, потому что кроме Бога нет и никогда не будет другого источника жизни. Таким образом, грех и смерть ручаются в мире друг за друга, что они тут. Грех, допущенный человеком, уже пробил себе дорогу к его сердцу. Если усилием свободной воли, при помощи благодати человек изгоняет его – он старается возвратиться по проторенной дороге. По следам прежних греховных впечатлений идут новые страстные и греховные движения, возбуждаемые воспоминанием или присутствием искушающих предметов и привычкой. Грех лишает душу мира, ум – света, тело – нетления, землю – благословения, всякую тварь – всякой доброты. Он начинает тем, что вселяет ад в человека и оканчивает тем, что человек во ад вселяется. Видеть невидимые, но подлинные грехи иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели. Спешите выпалывать едва возникающие из земли сердца плевелы, чтобы они возросши не подавили пшеницы. Поспешайте сокрушать яйца змеиные, пока не родился ядовитый и смертоносный змей. Поспешайте изринуть из внутреннего святилища идола страстного помысла и пехотного желания, пока он не потребовал убийственных жертв. Хорошо просить прощения у Бога и у людей во грехах, но лучше не делать того, в чем надобно просить прощения. Пока человек ходит в мире, поникнув к земле, собирая и поглощая пажить земных благ и чувственных удовольствий, до тех пор он и тело его не есть жертва Богу: он или бывает жертвой тварей, работая вместо Бога богатству, боготворя чрево, или, напротив, ставит себя идолом и требует себе в жертву всего, что земля производит. Через чувства, которыми человек общается с видимым миром, если они слишком отверсты по неосторожности, а еще более – по пристрастию к видимому, входит греховная смерть в душу. Что же нам делать? Без сомнения – тщательно затворять окна, которыми входит смерть. То есть удерживать чувства, через которые прелесть и соблазн входят в душу. Отчаяние есть ад в душе, прежде нежели низведет во ад душу. Человек, потеряв опыт первоначального чистого бытия своего и вселенной, потерял и понятие о нем. Как рыба, движущаяся в воде, не знает той лучшей и более совершенной жизни, какой животные живут в воздухе, так бедная душа человеческая, погруженная в грубый и тленный мир стихий и в нем

живущая, не знает тонкой и нетленной жизни райской.

Грех врачуется покаянием и постом

Попечение, которое проявляет Церковь о чистоте одеяния души твоей, можно уподобить твоему попечению о чистоте одежды своего тела. Если бы тебе случилось упасть в грязь, то не поспешил бы ты омыть свою одежду? Так, если ты впадешь в тяжкий грех, то чем скорее очистишь совесть свою покаянием, тем лучше; Церковь готова принять тебя во всякое время. На помощь покаянию призывает она пост, когда и само богослужение помогает возбуждению покаянных чувств. Облегчение поста для немощных дозволительно по правилу церковному и весьма справедливо, потому что немощь тела сама собою доставляет то, что достигается посредством поста, то есть укрощение чувственности и бездействие плотских страстей. И, следовательно, для немощного не нужно усмирять плоть постом, а напротив, поддерживать немощное тело питанием и врачеванием, чтобы оно не сделалось вовсе не способным служить душе.

Не плати злом за зло

Воздаяние обидой за обиду не только не уничтожает содеянного зла, но и не останавливает распространения зла, даже, бывает, усиливает его. Гнев гневом не врачуется. Какое жалкое состояние – платить ненавистью за ненависть и обидой за обиду? Что если враг сильнее тебя? К чему тогда послужит твое желание отомстить? Разве к ускорению твоей гибели? И при равных силах чего ожидать, если не взаимного падения и бедствия? Наконец, хотя бы он был и не в состоянии противостоять тебе, разве менее опасно тайное коварство, нежели открытое нападение? А терзающие заботы, ухищрения, замыслы, а предприятия, обращающиеся на собственный вред, а мучительные мысли даже о предполагаемой своей удаче и еще мучительнейшие об удаче противника и, наконец, сама удача, сопровождаемая великими угрызениями совести, а иногда и всеобщим презрением? Ах, сколько терзаний претерпевает ненавидящее сердце – оно есть ад на земле, пламя геенское. Не смущайся и не раздражайся на ближнего своего, если слышишь от него укоризну себе. Размысли, справедлива ли она? Если несправедлива, то стрела пролетела мимо тебя; от чего же тебе быть больным, когда ты не ранен? Если же справедлива, то не сетуй на укорителя, как на врага, который наносит рану, но благодари его, как врача, который открывает ее и побуждает тебя к лечению ее. Не раздражайся, если получил от него и обиду, делом нанесенную. Размысли, что лучше, обидчиком ли быть или обиженным? Без сомнения, лучше быть невинным, нежели виновным. Размысли и о том, лучше ли раздражаться или терпеть? Раздражение может сделать вдруг и виновным, и более прежнего несчастным; напротив того, терпением и непорочность сохраняется, и несчастье уменьшиться может. Добрая победа не в том состоит, что ты сделал зло врагу, но в том, что враг не мог сделать истинного зла тебе. На порицание лучше отвечать кротостью, нежели порицанием. Чистой водой надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь. Худые слова всего лучше опровергать хорошими делами. Услышав слово, осуждающее и порицающее ближнего, остерегись, чтобы через слух не принять участие в грехе чужого языка. Не прилагай сердца твоего к словам, которые вреднее для осуждающего, нежели для осуждаемого.

Уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33,15)

О всяком деле, предпринимаемом тобою, не спрашивай, будет ли оно приятно, выгодно для тебя и похвально перед людьми, но прежде всего испытывай, будет ли оно угодно Богу, не будет ли оно противно Его заповедям. Чем искреннее будете вы человеколюбивы и боголюбивы в сердце, тем меньше трудностей будете вы находить в делах служения вашего, тем больше – успеха, тем больше – блаженства. Кто не старается успевать в познании Сына Божия и Его спасительного учения и думает угодить Богу как случится – тот приносит слепую жертву. Кто мнит служить Богу, но тайно ищет в том своей выгоды или славы человеческой – тот святотатственно служит себе и людям, а не Богу жертву приносит. Кто делает добрые дела для корысти временной или для славы человеческой, тот еще не вышел из области язычества; он делает для себя кумиров из добродетели на продажу или на зрелище, он восприимлет мзду свою от людей, и потому Небеса и Бог ничего более не должны ему. Желание – это семя или зародыш всякого свободного дела, когда ему должно начаться, и душа его, когда оно продолжается. Как от души зависит жизнь, сила, достоинство тела – так жизнь, сила, достоинство всякого дела зависят от желания совершающего его. Если желание нечисто – дело недостойно. Если желание слабо – дело не может достигнуть своего совершенства. Если духовного желания нет – дело есть мертвое. Вещь, кажущаяся золотой, может быть или из чистого золота, или из нечистого, или на поверку вовсе не из золота. В огне золото становится чище, так как примесь отделяется и подделка становится явной. Так добродетель человека может быть чистой и твердой, когда в Боге содеяна и в силе Божией неизменна, или нечистой, по причине примеси помыслов тщеславия, своекорыстия и самоугодия, или, наконец, вовсе лицемерной. В огне искушения чистота ее возвышается, нечистота отделяется, лицемерие обличается. Свет слова без силы дел есть блеск без жизни, скоро преходящий. Свет добрых дел продолжает нередко светить и тогда, когда слово угасло, и за смертью делателя простирает долгую и широкую зарю.

О двойственной природе человека

Подлинно, есть в природе человеческой странная двойственность и противоречие направлений: с одной стороны, чувство нужды в Божественном и желание общения с Богом, с другой – какая-то тайная неохота заниматься Божественным и склонность убегать от собеседования с Богом. Нетрудно понять, отчего это так. Первое из этих направлений принадлежит природе первозданной, а последнее – природе, поврежденной грехом. В видимом временном мире, в котором живет человек, нет ничего неподвижного, но все идет и проходит. И жизнь человека идет и проходит. Человек покоится иногда телом, но его сокровенные помышления, его тайные желания непрестанно в движении. А потому если он не идет путем спасения, то верно идет путем гибели, или если не идет, то падает – ниспадает из жизни духовной в плотскую, из жизни человеческой – в скотскую. И не приметит, как обрушится в жизнь адскую, в смерть вечную – не возвратно. Претываемся в мыслях – и падаем в делах. Претываемся сомнениями, ложными мнениями, смущениями помыслов и расстройством чувствований душевных – впадаем в грех, в преступление. Опрометчивость и непостоянство в равной степени есть вредные домашние враги добрых намерений, переметчики на враждебную сторону искушения. Непостоянство разрушает начатое устройство души; опрометчивость, не полагая достаточного основания, также готовит не что иное, как разрушение.

Мир лукавый не дает истинного мира человеку

Мир, даруемый миром, есть краткая дремота под шум опасной бури, безопасность, основанная на неведении. Напротив того, мир, даруемый Христом, утверждается на непоколебимой уверенности в примирении с Богом. Образ мыслей и чувствований, получающий одобрение мира, нередко есть наиболее опасный. Соблазны мира сильны не сами собой, но нашей произвольной слабостью. Сперва ищем необходимого, потом думаем о полезном и приятном, наконец и лишнее нам представляется необходимым.

Как относиться к земному богатству?

Обходись с земным богатством, как с гостем, которого надо с честью принять и с честью проводить. Напоминай себе часто, что через недолгое время или богатство тебя оставит, или ты оставишь богатство. Если и естественно желать лучшего на земле, то несогласно с разумом искать оно с забвением и утратой наилучшего Небесного. Кто решительным направлением своей воли, склонностью к страстям совратился и двинулся на путь неправый, на путь стяжания богатства, роскоши, тщеславия - тот легко и неприметно катится по этому наклонному пути, не примечая, что этот наклонный путь простирается до самого ада. Искусство все превращать в золото отнюдь не так важно, как искусство превращать мертвое золото в живую и от смерти избавляющую добродетель. Житейское попечение связывает наш ум, обременяет его тяжкими земными пристрастиями, покрывает его силой помыслов чувственных, суетных и нечистых; из орла, которому надлежало бы в чистом воздухе зреть на Солнце истины духовной и божественной, превращает его в крота, роющегося в земле, в прахе и тлении дел житейских, плотских, чуждых для духа. Кто хочет плыть, тому прежде надлежит отвязать или, для скорости, отсечь веревку, которой лодка его прикреплена к берегу. Кто желает действительно быть на пути к Небу, тому необходимо или постепенно, со вниманием и усилием разрешить, или, если боится закоснеть и если чувствует в себе довольно силы, решительным ударом отсечь все страстные, земные привязанности. Надобно освободиться от похотей плоти, чтобы предаться влечению духа. Надобно попать ногами земное, чтобы мудрствовать горняя. Надобно извергнуть из сердца мир, лежащий во зле, чтобы нашлось в нем довольно пространства для беспредельной любви к бесконечному Богу. Сколько различных искусств, веществ, орудий употребляет разумный человек для того, чтобы наполнить малое и несмысленное чрево! Как унижается разум, когда истощается в изобретениях, чтобы дань, ежедневно требуемая чревом, как неумолимым владыкою, была ему приносима как можно в большем изяществе и была им приемлема как можно в большем количестве! И как насмехается над этим раболепствующим разумом чрево, концом всех его забот об изяществе полагая нечистоту и смрад! Что значит та гордость, с которой имеющий на себе дорогую одежду едва достаивает взора покрытую рубищем или полураздетую нищету, равно как и то непостоянство, с которым он так часто меняет наряды? Не есть ли это нечто подобное тому,

как если бы больной вздумал тщеславиться множеством своих струпов и красотою перевязок; или если бы раб, принужденный носить оковы, желал иметь их в великом числе и сделанными как можно искуснее? Наша одежда есть произведение беззакония; она есть обвязывание греховной раны, притом не содержащее целебного еля; она есть слабое средство для кратковременного сохранения осужденного тела от действия стихий, совершающих его казнь; она есть прикрытие нравственного безобразия, соделавшегося естественным; она есть защита от стыда телесной наготы, изобретенная обнаженным в совести человеком; она есть видимый знак человека-преступника; она есть всеобщий и всегдашний траур, наложенный раскаянием смерти первобытной непорочности; она есть знамя победы нашего врага, которое он выставил наружу, овладев нашей внутренностью. В ад можно прийти или упасть, хотя того не хочешь и не думаешь о том; на Небо нельзя взойти, когда не хочешь и не думаешь о том. Наша леность неохотно принимает примеры долготерпения в вере. Она охотнее ищет примеры, подтверждающие, что спастись можно легко и скоро. И благополучие может быть опаснее бедствия, и бедствие спасительное благополучия. Не завидуй же благополучию и не унывай в бедствии. Где недостает истинного блага, там истинное благополучие, конечно, немислимо.

О нищете

Не презирай нищеты, когда встречаешь ее у других; не страшись ее, если она тебя посетить хочет; не стыдись ее, если она уже поселилась с тобой. Нищета есть один из горьких плодов проклятия, которое на лице всей земли грех человеческий посеял, а гнев Божий допустил произрастать. Есть нищие, убитые несчастьем, их надо побуждать и руководствовать к исканию помощи. Есть нищие гордые, которые не хотят преклонить головы перед благодетелями, а хотят, чтобы благодетели поклонились им со своими благодеяниями. Таковы суть перед Богом люди, которые не умеют или не хотят призывать Бога в скорбях своих. Кто чувствует внутреннее призвание к добровольной нищете, кто, испытав себя и убедившись в этом призвании, посвятил себя ей обетом, тот да держится этой нищеты как можно вернее, как можно искреннее, как можно совершеннее.

Слово может жить и умерщвлять

Когда горит дом, толпы народа бегут сражаться с огнем, спасая бревна и доски часто неизвестного хозяина. Но когда душа горит огнем злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаяния, так же ли легко находятся люди, которые поспешили бы живою водою слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели он объял все силы души и распространился до слияния с огнем геенским? Слово человеческое может быть изострено, как меч, и тогда оно будет ранить и убивать; и может быть умягчено, как елей, и тогда будет врачевать. Бывало, искали достоинство в том, чтобы говорить мягко, а теперь ищут в том, чтобы говорить резко, и потому говорят хуже, нежели думают. Обличать человека по своей воле едва ли нужно, разве сам он подаст случай сказать ему истину. Обличать, отстаивая свое, трудно, так как примешивается самооправдание. Притом обличение может обратиться в неприятность тому человеку, через которого пошла молва. Не лучше ли просто помолиться, чтобы Бог вразумил каждого смотреть на дело ближнего простым оком, без осуждения и подозрения?

О молчании

Как вещественный сосуд негоден, когда он течет, так и духовный сосуд ничего не стоит, если не хранит влитой в него благодати, в ненарушимом, смиренном молчании, но течет и выдыхается без нужды и без пользы, – словом праздным, или нескромным, или нетерпеливым, или тщеславным. Постоянная жизнь в безмолвии – не для многих. Но посещение безмолвия для всякого должно быть вожделенно. Кто не удаляет себя, хоть однажды в день, хоть на непродолжительное время, от всякого внешнего земного занятия, попечения, пристрастия и не вводит своей души в благоговейное безмолвие перед Богом – тот еще не познал пути мира для души своей. Помолимся, да благословит Господь и слово, и молчание; да не будет ни слово праздно, ни молчание бессловесно.

Истина Христова просвещает целые народы

Как можно думать, что истина Божия и Христова есть нечто постороннее для истины естественной, полезной человеку и обществу человеческому и что последняя также может жить без первой, как и в соединении с нею? Посмотрите на народы и общества человеческие, христианские и нехристианские. Не там ли ясно светит истина естественная: естествоиспытательная, умственная, нравственная, созидательная, благоустроительная и благоукрашительная для человеческих обществ, где сияет солнце истины Божией и Христовой? Не ночь ли покрывает естественные способности и жизнь народов, над которыми не возшло благодатное солнце истины Божией и Христовой? Исторгните солнце из мира: что будет с миром? Исторгните сердце из тела: что будет с телом? Надобно ли сказывать? Исторгните истину Божию и Христову из человечества: с ним будет то же, что с телом без сердца, что с миром без солнца.

Истинное просвещение состоит в познании воли Божией и своей немощи

Лучший и действительно спасительный подвиг разума человеческого, руководящий к совершенству и блаженству человечества, может состоять только в том, чтобы беспристрастно изведать и измерить свои силы, средства, недостатки для достижения этой великой цели; понять возможность, признать потребность откровения свыше; приблизиться к великой благочестия тайне (ср.: 1Тим. 3,16), положить к ее стопам свое оружие и свой венец и предать себя в благородный плен, в свободное послушание вере в Бога, явившегося во плоти. То, что в мире обыкновенно называют просвещением, есть не более как лунное мерцание света и жизни, а не полный свет и жизнь духа. Истинное начало жизни духовной, подобно солнцу, изливает теплотворный свет, который сияет в уме истиной и согревающей сердце любовью к добру. Просвещение приносит благие плоды обществу только тогда, когда основанием ему служит вера. Мир языческий, жалкий в невежестве, когда приобщается к образованности, становится отвратительным в своем разврате, который обыкновенно идет рядом с образованностью и обращает ее в свое орудие. Спят человеки духовно, когда беспечно смежают очи ума и не стараются взирать на свет истины Евангельской и Закона Божия, чтобы непрестанно ими просвещаться и просвещать пути жизни своей. Обыкновенный разум человеческий не знает духовного могущества Божия и даже боится догадок о нем. Какой же мудрости ожидать от этого разума? Он, как слепой, хотя и чувствует наличие глаза, но не в силах им увидеть света, заключает, что солнца точно так же нет на небе, как нет у него в глазах, и что верить бытию и действию солнца и света было бы суеверием и мечтательством. Всякому подвизающемуся о своем спасении можно и должно сказать: несть ти потреба тайных, не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасения нужно веровать, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать. Желать знать сокровенное опасно; а желать открывать оное еще опаснее. Но вот сие не препятствует тому, чтобы Провидение Божие открывало тайное и обращало сие для своих целей, даже и при несовершенстве орудия, как можно примечать на опыте. Знание без любви есть зимнее солнце, которое не оживляет и не возвращивает. Истину, хотя и печальную, надобно видеть и показывать и учиться от нее, чтобы не дожить до истины более горькой, уже не только учащей, но и наказующей за невнимание к ней.

О важности семьи и воспитания

Чтобы жизнь государственная сильно и, правильно развивалась, процветала образованностью, приносила плод общественного благоденствия – для этого надо, чтобы жизнь семейная была крепка благословенной любовью супружеской, священной властью родительской, детской почтительностью и чтобы вследствие того из чистых стихий жизни семейной естественно возникали столь же чистые начала жизни государственной, чтобы с почтением к родителю родилось и росло благоговение к Государю, чтобы любовь ребенка к матери была преддверием любви к отечеству. Желающие иметь достойных детей благоразумно поступят, если предварительно самих себя сделают достойными родителями. Небо приходит в движение, чтобы сберечь на земле жизнь или непорочность младенца, а нет ли между людьми таких, которые без сострадания слышат вопль младенца у нищеты на коленях, которые смотрят на возрастание собственных детей не с большим вниманием, чем на траву, растущую в поле? Премудра и спасительна та родительская любовь, которая, стесняя саму себя, несколько удерживает ласку к детям, несколько скупится на утешение им, чтобы сберечь это в поощрение и в награду их послушанию или успехам в полезном учении. Худой гражданин царства земного и для Небесного Царства не годен.

Дорожи данным тебе временем

Бытие и жизнь человека в своем начале есть свободное даяние Творца – дар, которого никто не мог у Него вынудить, никто не имел права истребовать. Следовательно, и продолжение бытия, и жизнь есть непрерывное продолжение того же даяния Божия. Жизнь временная есть ежеминутное благодеяние Божие. Бессмертие человека есть бессмертное, бесконечное благодеяние Божие. Нет времени, которым не опасаясь можно было бы пренебрегать, ибо во всякое время можно спастись или погибнуть. Проводи начинающийся день так, чтобы он мог вести тебя ко дню невечернему, а не к ночи вечной. Помни прошедшее; положишься на Господа в будущем; употребляй во благо настоящее.

Крест поднимает на Небо

Посмотри на птицу, когда она желает вознестись от земли: она простирается крестом и взлетает.

Мудрые советы (из его писем к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Архимандриту Антонию (Медведеву)¹

Господи, благослови; прости дерзновение, и настави нас на истину Твою (IV, 220)

1) Для чего создается и освящается храм? Для богослужения вообще? – Оно совершается и вне храма. – Для таинств? – И большая часть таинств могут совершаться вне храма. Только одно таинство, таинство Тела и Крови Христовы непременно требует освященного храма. Следовательно храм создается и освящается наипаче для того, чтобы в нем было священнодействуемо и хранимо Тело и Кровь Христовы. Для сей величайшей на земле святыни требовалось святое хранилище. Из сего следует, что только по крайней нужде Тело и Кровь Христовы могут быть выносимы из храма; а имеющий оныя в простом доме или келии без нужды – оскорбляет сию святыню.

2) Хорошо, когда *вольная уст* и рук приносятся *Господу*; о сем Он *благоволит* (Пс. 118, 108). Не надобно с домогательством вынимать из уст и рук ближнего дары Господу.

3) Вклад монаха по смерти – дело не великое; монаху надобно не откладывая отдавать излишнее Богу или бедным.

4) Недостаток благоговейного внимания в пении едва-ли не бывает особенно в праздники, когда, стараясь петь хорошо, сим внешним вниманием вредят внутреннему. Надобно поговаривать поющим, что пение искусное приятно людям на краткое время, а пение благоговейное Богу угодно и людям полезно, вводя в них дух, которым оно дышит.

5) Пения по нотам я не запрещал, но пения партесного никогда в женских монастырях не находил порядочным, и потому никогда не одобрял. В нем более труда, нежели пользы, более тщеславия мнимым искусством, нежели назидания и помощи молитве. Учите и пусть учат прочих утверждать церковный порядок на благоговении и страхе Божиим (II, 257).

6) Как худой век охотнее верит худому, нежели доброму, то соблазн идет скорее назидания, и надобно беречься не только зла, но и небреженности, может быть немного виновной, однако питающей соблазн.

7) Апостол (Павел) собрал милостыню и *промышляет добрая не токмо пред Богом*, чтобы она была верно употреблена, *но и пред человеки*, чтобы не сомневались в добром ее употреблении. Вот пример и наставление для людей, проходящих должности общественные.

8) Если бы мы смотрели только на свое недостаточество, то все могли бы убежать от своих должностей; но мы должны взирать на волю и устройство Божие, и где провидением Божиим поставлены, там по возможности трудиться и действовать.

9) Отложите помысл завидовать скитскому монаху, пользующемуся миром и свободой. Понести некоторое лишение внутреннего утешения в служении ближнему не есть утрата.

10) Безмолвие, конечно, вещь хорошая. Но думаю, кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особенного указания от провидения Божия.

11) Понести тяготы братии есть дело терпения, а в терпении, думаю, есть зерно безмолвия.

12) Благословен Бог, не оставляющий нас унывать в недостойности нашем, но присутствием благодати Своей утверждающий дерзновение упования. Да воздвигнемся к деланию благому при столь близкой помощи.

13) «Я – ничто; но Ты, Господи, призываешь меня служить Тебе: *влеци мя в след Тебе*; твори из моего ничтожества, или хуже нежели ничтожества, что Тебе благоугодно!» Нет сомнения, что чем совершеннее человек предается Господу, тем обильнее Господь дарует ему Свое общение. Дивна милость Господа, Который на пути внутренней, сокровенной жизни, где нет старца-наблюдателя и указателя, Сам указывает, когда не довольно доброе, потому что требуется лучшее, и изрекает Свое слово: оставь себя, и служи Господу. Ангел ли Господень, по воле Господней, образует слово в сердце, или иное сокровенное действие благодати Божией, пусть останется сие в Его всеведении. Но можем быть уверены, что послано слово благое: воспользуемся им внимательно.

14) Всякий действующий больше или меньше распространяет жизнь, какую живет, новую или ветхую. Дар распространять в других высшую жизнь есть высший: благо тому, кто употребляется благодатию в орудие сего.

15) Если есть надежда сколько нибудь послужить облегчению души связанной, и случай к тому не произвольно нами изыскан, а подан провидением Божиим, не надобно отталкивать такой случай.

16) Должно стоять на страже, где кто поставлен; но могут встретиться обстоятельства, в которых желательно уступить место более крепкому и более искусному. Господь да творит волю Свою.

17) Некоторые оставляли место, на которое поставлены были провидением и законною властью, а потом чувствовали более затруднения, нежели прежде.

18) По истине, благо человеку, когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь, – и не только ему благо, но – чрез него – и приближающимся к нему. Ибо какая сила в средоточии, такая распространяется и в окружность и действует в ней. И обратно: лишаящий себя сего добра, своим нерадением, лишает чего-нибудь и других.

19) Если бы мы были более отвлечены от земного и более очищены, чтобы созерцать милу воскресения Христова, действующую на все поврежденное падением Адамовым, от духовного до телесного, сколько новых источников удивления, благоговения, благодарения и прославления нам бы открылось! Но пыль земных сует и пристрастий засыпает око ума, и не отвращая очей от суеты, мы сами себе заграждаем созерцание истины. Однако и одна мысль, в самой темноте нашей довольно видимая, что Господь *предан бысть за прегрешения наша и воста за оправдание наше (Рим. 4, 25)*, – какой уже свет проливает и на сидящих во тьме! Да возстанем! Да престанем умножать грехами страдания Господа; не оставим готового для нас в Нем оправдания.

20) Душа, утвержденная в Боге, не должна колебаться, что-бы ни происходило вне ея, и наипаче в особенном служебном предстоянии Господу... Долг служащего зреть ко Господу, а не окрест себя.

21) Молитесь, да будет воля Божия; вы знаете, что нет ничего лучше воли Божией.

22) Молитесь за ближнего, устраняя огорчение, и просите вынимать за него часть на проскомидии. Молитва без любви не бывает услышана.

23 Церковь молит нам *Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес*: молитва важная, и желательно, чтобы каждый и каждый раз прилагал к ней сердечное внимание. При священнослужении Церковь просит *ангелов сослужащих* нам: и в сем случае важно для служащего, чтобы он с полным вниманием и разумением приносил сию молитву (I, 172). Утешительно и прекрасно единство и союз Церкви небесной и сущей на земли.

24) Земля празднует дни святых, и они святую обязанность имеют быть на земли. Потому надобно с ними соединяться. Они просят наших молитв и говорят: «мы принесем ваши молитвы, уже очищенные нашим посредством, перед престол Всевышнего». Предстательство святых есть звено, соединяющее слабое существо земных с небом... Хорошо священнику иметь сие в мыслях, когда говорит отпуст. О, если бы и все со вниманием, а не по памяти именовали дневного святого!

25) Церковь учит нас молиться об усопших, не рассуждая, во аде ли

кто из них, хотя вероятно, что есть такие между поминаемыми в Церкви. Это хорошо и смиренно, потому что не знаем жребия отшедших, не берем ни о ком осуждающей мысли, что он в аде, и не дерзновенно просим. В молитвах Пятидесятницы имеем свидетельство, что Господь *сподобляет приимати молитвенныя очищения о иже во аде держимых*. Но может быть, Церковь имела особенную мысль: сию, многое дерзновение заключающую, молитву отнести к особенному важному дню, а не предоставлять всякому человеку и времени.

26) Макарий Великий молился даже о язычнике умершем. Дерзновение чудотворца не удобно обратить в общее правило (IV, 277). Один из святых римских пап (Григорий Двоеслов), случайно вспомнив о добродетелях языческого императора Траяна, молился о нем, и имел откровение, что молитва его не отвержена, но чтобы он впредь не приносил таких дерзновенных молитв.

27) О живом лютеранине можно молиться дома и просить ему благодати Божией, привлекающей в единство истинной Церкви; но о умершем – иное дело. Мы его не осуждаем, но его была воля остаться до конца вне пределов Православной Церкви. Зная некоторых лютеран, имевших уважение и веру к Православной Церкви, но скончавшихся вне соединения с нею: в утешение присных верных, я дозволял о них молитву, не открытую в Церкви, (С которой они открыто не соединились в жизни), а в доме.

28) Прискорбно лишаться добрых и полезных; но если отходит добрый в добром уповании, то скажем ему: иди и молись о нас. О призываемых от нас в будущий век с благою надеждою – не скорбите много. По любви к ним скажем: идите с миром, хотя нам и жаль; а они воздадут нам молитвами.

29) Если жалуемся на леность и холодность, надобно поискать, не впал ли в душу какой из тех помыслов, кои тяготят долу, а не воспаряют горе; а это помыслы, в коих что-либо присвоается себе, или замечаются недостатки ближних.

30) Надобно внимательно осмотреться, не остается-ли в совести что-либо пренебреженное, что служит дорогою искустителю входить в помыслы и возмущать их.

31) Враг злиться на добро. Когда стоят в добре с силою и чистотою, *стрелы младенца* бывают язвы его (Пс. 62, 8). Примесь несовершенства, неправости, невнимания, лености, страстного в помышлениях и побуждениях дает доступ ходящему по нечистым путям, и он становится дерзок и нагл.

32) При нападении темных сил, человек внутренне молящийся подобен заключившемуся в твердой крепости; а обращающий речь к сопротивным подобен делающему вылазку, что можно крепкому, а слабому опасно.

33) К совету – не внимать действиям лукавых, а утверждать ум в присутствии Божиим и в молитве, не нужно ли присовокупить совет – испытывать внимательно себя, не удерживает ли человек добровольно какого страстного помысла, или чего темного в совести, что открывает дорогу и доступ обитателям тьмы, и тщательно зранить и возстановлять мир совести.

34) Благословенна сила святых, так удобно побеждающая силу вражью, и в нашей немощи совершающаяся. Но как жалок человек, уже посетившую его силу света удержать не сумеющий! И как удобно *живот паки аду приближается!*

35) Не будем холодны к увещаниям любви и кротости. Святой Петр мог бы учить со властью, как Апостол, но он говорит: *возлюбленнии, молю вы,* – и облекает свое слово любовью и смиренном, потому что они суть свойства совершенных; и потому что знал он потребность своего увещания для нашего спасения, и знал естественное действие слова любви и кротости, которое как елей, во все проникает, от которого, как от луча солнца, сам собою тает лед и холодных сердец, иначе нелегко разбиваемый силою. Он предвещает об опасности, потому что любит. Он жертвует собственным достоинством, униженно умоляя, когда имел право повелевать, дабы сердцем открыть путь к нашему сердцу и внушить нам спасительныя расположения.

36) При общих молитвах употреблять только то, что благословено и принято Церковью, а не вводить нового по частному изволению, хотя и доброго, которое может отворить дорогу к нововведениям сомнительным. Мне кажется, надобно стараться не о расширении церковного правила, но о том, чтобы существующее правило совершаемо было больше и больше степенно и неспешно, чтобы больше давать места вниманию, размышлению, умилению и созерцанию.

37) Вы говорите, только бы молился человек, какими бы то ни было словами. – Согласен, и прибавлю, что в простоте верующий иногда нестройными словами молится лучше разумеющего, чему есть пример в сказаниях отцов. Но иное – молиться для себя, иное – публиковать молитву для употребления другим. Церковь дает нам молитвы, взяв из уст святых, чтобы молитвы были хороши и чувством, и примером, и разумом. Неправ тот, кто предлагает другим свои безтолковые выражения молитвы.

38) стыдно видеть, что в соблюдении воскресного дня неправославные лучше православных. Иногда беспорядок сей становится неисправим человеческими средствами: надобно страшиться исправительных мер с Неба, более сильных, нежели какие уже испытываем.

39) Слава Богу, что смиренные земли усердно притекают к Господу и угоднику Его (Сергию). На их простых сердцах да успокоивается взор милосердия Господня, да не яростно воззрит на нас, более знающих, но не делающих.

40) Братолюбное сближение для добрых упражнений – вещь хорошая. Желательно, чтобы особенные сближения не были многоприметны, чтобы не делать вида отделения частного из братолюбия всеобщего.

41) Право, надобно быть осторожну. Не наша, думаю, мера успокоивать себя чистотою намерений тогда, как отступаем от правил обыкновенной осторожности.

42) Лучше употребить осторожность, может быть, и ненужную, нежели не употребить осторожности, может быть, нужной; сим не будет нанесено вреда никакому доброму делу.

43) Прискорбно замечать разделение там, где должно быть единство. Но поскорбим о вещи и не оскорбимся на людей. Да сотворит Господь, да все едино будут, как Он хочет.

44) По слухам не надобно предаваться духу подозрения, а менее осуждения.

45) Не допускайте внешним волнениям нарушать внутренний мир, но сим миром утишайте оныя.

46) Если не отрекался некто и *с ненавидящими мира быть мирен* (Пс. 119, 6), не отрекайтесь иметь мир с погрешающими, неотрекающимися от исправления. Будьте мирны с потерявшими мир ошибкою, по ухищрению врага.

47) Забудем прежние немощи брата, чтобы Бог забыл наши грехи.

48) Старец Серафим (Саровский) учил не бранить за порок, а только раскрывать его срам и последствия. Прекрасный совет. Молитвы старца да помогут нам научиться исполнению.

49) Обличать за себя трудно, чтобы не примешалось самооправдание. Не лучше ли помолиться только, чтобы Бог вразумил каждого смотреть на дело ближнего простым оком, без осуждения и подозрения.

50) Упрямого – слово со властью может ожесточить больше; он лучше может увидеть правду, если ввести его в свободное разсуждение.

51) Несознательность – нехороший признак; она укрепляет гнездо

искушения, вместо того, чтобы разорить оное.

52) Дар прощать выше дара исправлять наказанием; (но) успевают тот, кто берется за дело своей меры.

53) Милость хороша, но и правды обижать не надобно.

54) Вы желаете оказать милосердие согрешившему. Доброе дело. Но и правосудие нужно. *Суд Божий есть* – сказал благочестивый царь Иосафат. То есть: суд есть такое дело, которое Бог вверяет человеку, чтобы служить правосудию Божию.

55) Не употребляй одной милости, где нужна и справедливость, хотя не строгая, а снисходительная... Миловать и тайно врачевать – бесспорно хорошо, когда так приемлется врачевание. Но когда явен проступок и явно неповиновение исправлению и человек стремится далее на строптивый путь,.. надобна некоторая осторожность, чтобы своеволие и худой пример не являлись побеждающими и торжествующими.

56) Нemoшь брата надобно покрывать и тихо исправлять, доколе нет соблазна многим; а когда соблазн является, то надобно – или предать дело правосудию, или присоветовать брату удалиться инуды, чтобы и он меньше смущался и других менее смущал.

57) Мне кажется, по нынешней порче людей, правило – удалить человека, опорочившего себя, без наказания – не достигает цели, которой хочет человеколюбие... Умеренная епитимия вскоре по проступке яснее говорит поползновенным: берегись!

58) Нужно, чтобы человек в своих действиях вообще сохранял спокойную твердость и остерегался всякаго волнения и раздражения, ибо волнение и раздражение нерв усиливает способность принимать впечатления темного невидимого.

59) Гнев гневом не врачуется. Твердая, но спокойная истина вразумляет обманывающую саму себя страсть.

60) Вы называете злoязычие бесoязычием. Может быть, и так. Но посмотримся, не браним ли ближнего, нас огорчившего, когда думаем усиленно жестким словом бранить беса? Вы еще изобрели выражение *обесовленный человек*. Это сильнее, нежели *беснуемый*; это значит – почти превратившийся в беса. Сделайте милость, посмотритесь, в любви ли ходит сие выражение.

61) Мне кажется, неизлишне обратить внимание на то, правы ли мы, чтобы удобнее действовать на неправых с любовью и смирением... Постараемся же исправлять погрешивших с терпением, чтобы исправить опущенное, может быть, и нами.

62) Надобно терпеть искушение, когда оно найдет, а не вводить

самого себя в искушение и с тем вместе других, когда нам заповедано молиться: *не введи нас во искушение*.

63) Всякому водвизающемуся о своем спасении можно и должно сказать: *несть ти потреба тайных* (Сир. 3, 22); не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасения нужно веровать, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать. Желать знать сокровенное – опасно, а желать открывать оное – еще опаснее.

64) Непользуно дорого ценить и высоко ставить самого себя. Кто не ценит себя высоко и остерегается от притязаний, тому не очень трудно и в таком месте, которое хуже обитаемого.

65) Послушание в простоте есть вещь, лучше которой желать не надобно. Мне кажется, простее – сказать и показать начальствующему, что делается, нежели не сказать и сделать по своему разуму. А притом эта простота и осторожнее простоты, делающей по своему.

66) Необходимо остерегаться, чтобы самолюбие не окрадывало того, что мнится делать ревность, чтобы борьба и развлечение в делах не мешали тихо входить в клеть свою и помолиться Отцу втайне... Да, они мешают: преследуют, и входящий недовольно крепко затворяет за собою дверь, или и совсем не входит... Ты реки: *Аз есмь дверь*, введи нас во внутренняя и затвори за нами.

67) Слава дел Божиих идет сама собою; а люди из самых благодеяний Божиих иногда делают себе искушение.

68) Надобно остерегаться, чтобы мы нашим невниманием не повреждали того, что Бог творит Своею благодатию... Болезненно, когда делается зло, и еще болезненнее, когда из добра выдělывают зло.

69) Страждущему самомнением попытаюсь предложить следующий рецепт: взять довольно жесткого самообличения, положить в довольно глубокую ступку смирения и довольно толочь пестом терпения; сей порошок принимать каждый раз, когда начнут бить в голову выскакивающие помыслы.

70) Полное и чистое открытие истины и совести лучше неполного и смешанного с расчетами; за то самое строгое умолчание принадлежит приемлющему открытию.

71) Опасение, что худо напишешь, – мирское. Опасение, чтобы не написал много или мало, часто бывает того же рода. Надобно опасаться, чтобы не написать больше того, что говорит истина, или меньше того. Сия осторожность не так трудна, и она только надобна... Только на истине и правде основать можно спокойствие себе и другим.

72) Что нынешнее воспитание располагает к своеволию, это правда. Я

нередко дивлюсь, с какой важностью и самостоятельностью ведут себя малолетние дети при родителях, – и сии как будто не смеют прикоснуться к ним.

73) Чтобы не произошло вреда знанию, не надобно позволять себе неблагоприятностей, в которых нет нравственного зла, но в которых не достаёт порядка, и которые дают случай неблагоприятным мнениям.

74) Когда расположение к недоброму мнению готово, всякий случай, сколько нибудь неблагоприятный, усиливает худое мнение; при таких обстоятельствах никакая осторожность не будет достаточна, но тем не менее нужна бдительная осторожность.

75) Игуменья желает, чтобы сестры и малости не могли принести ей в подарок, что бывает обыкновенно. Это хорошо. Начальницу ничем лучше нельзя дарить, как послушанием и любовью.

76) От уныния всегда да сохранит Бог, и человек, уповая на Бога, охранять себя должен... Возскорбим, опечалимся, да примет сие Господь, как жертву покаяния, но да сохранит нас от уныния... Ученик пророка Иеремии Варух скорбел о своих личных несчастиях. Господь повелел Иеремию сказать Варуху: *Се яже Аз насадих, Аз разорю; и ты ли выщети себе великих? Не ищи (Иер. 45, 4–5)*. Вот Иерусалиму угрожает разрушение, народу Божию плен: скорби об общественном, и пред сим не почитай великими твоих личных несчастий.

77) Да приидут молитвою и верою к великому Утешителю и верному Помощнику Господу Иисусу обремененные лишениями и скорбями... Верен Господь бедствующему по делам благотворения усугубить воздаяние, наипаче же вечное, аще верны будем Ему безпрекословным послушанием судьбам Его и неколеблущимся упованием.

78) *Ты еси прибежище мое от скорби обдержавшая мя. Радосте моя, избави мя (Пс. 31, 7)*: так взываю с душою вашею к Единому избавителю от скорби и уныния. Да благословит Он с миром, и тишиною, и ясностию, что все зависит от Его благодати. Да даст Он ей – все полагать к стопам Его – и уныние и утешение, и желание жизни, и желание смерти, – и принимать от Него всякое даяние благое и носить в преданности воле Его. Да не попустит Он вам делать временное с пристрастным услаждением, дабы мглою временного не затмевался свет вечного! Аминь.

**Сборник мыслей и изречений митрополита
Московского Филарета, извлеченных из переписки с
разными лицами**

Духовная жизнь и нравственность

Поистине благо человеку, когда Господь Иисус Христос есть его сердце и его жизнь, – и не только ему, но чрез него и приближающимся к нему. Июо всякая сила в средоточии, такая распространяется и в окружности, и действует в ней. И обратно, лишаящий себя сего дара своим нерадением, лишает чего-нибудь, может быть, и других. Господу помолимся, да будет сердцем живущих Ему и животом умерших себе и миру – смертью же для тех, в коих живет еще ветхий человек, дабы, по крайней мере, не распространять жизни ложной, когда надлежало бы жить истиной и ее распространять.

Если жалуемся на ленность и холодность, надобно поискать, не впали ли в душу какой из тех помыслов, кои тяготят долу, а не воспаряют горе, а это помыслы, в коих что-либо присволяется или приписывается себе: успех дела, похвала, замечание недостатков ближних с перевесом в нашу пользу. Искуси мя, Господи, и испытай мя, и виждь, аще есть путь беззакония во мне, и настави мя на путь вечен.

Провидение Божие не случайно попускает поражающие события, но или в наказание, или в наставление. Мало ли на свете ипохондриков и умоповрежденных, которые переносят неприятности своей жизни, и если не хранят сами себя, хранимы бывают Провидением? Почему это? Не потому ли, что в них прежде вкоренены были некоторые благие мысли и чувствования, и были в их прежней жизни некоторые благие дела, вследствие чего не оставляет их совсем благодать охраняющая? Если попускается врагу душ играть жизнью человека, то не потому ли, что не довольно были в нем утверждены прежде начала добра, с которыми соединено бывает благодатное охранение? И так от случая сего рода служителям духовного просвещения надлежит обратиться к заботливому помышлению о том, довольно ли стараются они приобретать учению своему вышнюю силу против силы преисподней? Довольно ли они глубоко проникают в души наставляемых? Довольно ли переходят в жизнь? С сими помышлениями прибегнуть к Богу и стараться усилить в себе благую ревность было бы, конечно, справедливее, полезнее и угоднее Богу, нежели стараться несчастную смерть закрыть блистательным погребением.

Что из глубины в день можно видеть звезды, это справедливо; только глубина должна быть узкая и крутая, малодоступная солнечному свету. – Чем глубже человек в смирении, тем лучше видит небо.

Всякому подвизающемуся о своем спасении можно и должно сказать: *Несть ти потреба тайных*, не ищи знать сокровенное или будущее. Для спасения нужно веровать, исполнять заповеди, очищать сердце, а не любопытствовать. Желать знать сокровенное опасно, а желать открывать оное еще опаснее. Но вот сие не препятствует тому, чтобы Провидение Божие открывало тайное и обращало сие для своих целей, даже и при несовершенстве орудия, как можно примечать на опыте.

Слава Христу Богу, явившемуся в смирении естества нашего, да явит нам образы смирения. Он явился в вертепе, чтобы мы довольны были не красною келлией, – в яслях, чтобы мы не требовали мягкого одра, – в пеленах, чтобы мы любили простую одежду, – в несловесии младенческом, да будем яко дети простотою и незлобием и да не разрешаем своего языка на празднословие. Сие да мудрствуется в вас, и да мудрствуется во мне, о сем прошу молитв ваших.

Горьким горькое усладить нельзя, а только сладким. Так и горькие случаи не могут быть услаждены горьким о них суждением; а кротость, терпение и любовь могут не только усладить проистекшее из горького источника, но и горький источник исправить.

Бог хочет терпения и надежды, если подвергает душу лишению, для ее испытания и очищения.

Приятно вспоминать в молитве души, о которых знаешь, что они зрят к Господу и в Нем сближаются с нами, и Он один ведает, кто из двух более благодворит другому, молящийся или просящий молитвы.

Молитва приближает к Богу, и близ сего средоточия существ и миров неразлучно то, что является разлучением в мире перемен.

Душа, постоянно ищущая Господа и молящаяся, принадлежит Ему, несмотря на то, что нижняя чувственная область ее, иногда против ее воли, волнуется приражением и действием несродных ей сил.

За всех ли, за одного ли, как премудро учит Церковь, миром Господу помолимся. Душа молящегося в мире, если и вскипает, то тихим и чистым огнем, но не пригорает, кипит, но не выкипает, изливается, но не истощается.

Душа, молящаяся усердно, не входит ли в общение с тем, за кого молится? В сем общении не простирается ли иногда ток силы к душе, ищущей помощи?

Молитва друг о друге есть лучшее из общений. Несовершенства же молитвы должно по возможности исправлять, но не должно унывать от них. *Надобно различать дело молитвы от услаждения в ней*. Дело делает человек, и должен делать постоянно и неослабно по правилу и порядку, а

утешение дарует Бог по благодати, когда то нужно для привлечения или подкрепления человека, и когда человек оное принять может. Подобным образом и чувство собственной немощи не на то употреблять должно, чтобы тяготиться и упадать духом, но чтобы оставлять надежду на себя и чрез молитву о помощи переходить к надежде на Бога.

Если вы хотите учиться молитве от человека, то вам ответствуется: *О чемом помолимся, якоже подобает, не вемы.* Если вы скажете: *Господи, научи ны молитися;* на сие ответствовано более, нежели однажды.

Благоговение к святыне надлежит обретать постоянное, по возможности, а не на короткое время возбуждающееся. Если трепет пред святынею приходит и проходит, надобно, чтобы оставалось в душе смиренное и умиленное желание общения с Господом.

Надобно стараться быть в молитве постоянно и неколеблему нечаянностями, но также надобно в ней быть тиху и смиренну и не давать дерзновения воображению.

Кто переходит от восторга к холодности и не довольно утвердился в мирном устроении духа, тому еще довольно дела продолжать свое воспитание.

Если человек год работал Богу и не оставит доброго намерения, работа сия не может пропасть от перемены обстоятельств. И в семейной жизни можно находить и отделять время для молитвы и молчания. Домашнюю молитву Господь примет вместо церковного Богослужения, когда в сем участвовать нет удобства. Двум господам работать никто вам не советует. Но работать Господу можно и в уединении, и в семье. Если же точно видите препятствия в сем последнем положении, останьтесь в первом.

И то лишение, что не можете посещать храм Божий, принимайте не со скорбию только, но также с мирным послушанием воле Божией. Имя Господне да обитает в сердце вашем, и фимиам молитвы да восходит горе от души вашей, и тогда вы не чужды храма Божия.

Если даются слезы, надобно благодарить благоутробного Бога и пользоваться ими для очищения души. Но как ничего не должно быть чрезмерно, то и слезам иногда надобно поставлять предел, чрез обращение ума к другому занятию.

Отпущаются греси ея мнози, яко возлюби много. Где училась она так любить? Вместо елея у нее были слезы покаяния; любовь Божия к кающемуся, яко небесный огонь, упала на них, и светильник ее возгорелся.

Я не смел бы сказать ближнему: хочу, чтобы ты любил меня; но, думаю, не сказал бы: не хочу, чтобы ты любил меня. Тут есть что-то

отражающее и отчуждающее, и это может тяжело ударить в сердце ближнего.

Знать слово осуждения не бесполезно. Это врачевство против гордости и наставление об осторожности.

Обличать человека по своей воле едва ли нужно, разве сам он подаст случай сказать ему истину. Обличать за себя трудно, чтобы не примешалось самооправдание. Притом обличение может обратиться в неприятность другому человеку, чрез которого перешли речи. Не лучше ли помолиться только, чтобы Бог вразумил каждого смотреть на дело ближнего простым оком, без осуждения и подозрения.

Имейте мир со своей стороны; и не судите строго, если с другой стороны не довольно явственны выражения мира.

Не худо поставить щит против нападающего, но не надобно выставлять себя для стрел.

Входить в спор всегда нежелательно, и особенно когда неправый может наговорить более правого, не боясь быть остановлен и надеясь, в случае нужды, бранью и насмешкою убить соперника, которого не может ранить доказательством.

Не несправедливо и не бесполезно будет меру терпения наполнить водою кротости и возлить на огонь ревности, чтобы он горел тихо и разгорался без нужды до пожара, могущего, сверх опасения, повредить мирные скинии любви, снисхождения и смирения.

Мне кажется, врагов бывает мало, а более недоброжелательствующих по ошибочному пониманию людей и дел их.

На порицание лучше отвечать кротостию, нежели порицанием. Чистою водою надобно смывать грязь. Грязью грязи не смоешь.

Клевет бояться не должно, а брать против них осторожность нужно. Клеветы и учат осторожности, а осторожность делает бессильными клеветы.

На что человеку самому себя возмущать неблагоприятными догадками, по какому-нибудь ничтожному поводу к оным? И надобно ли делать зависимым свое спокойствие от мнения человеческого? Если мы поступаем право: слава Богу, и мнение человеческое лишить нас сего не может.

Надлежало бы более трудности находить в том, чтобы судить людей, нежели в том, чтобы смотреть на них просто, как смотрят на колеблемые ветром дерева или на текущую реку; но, видно, и в том есть трудность, чтобы не судить. Что же делать? Надобно учиться постепенно, сперва осуждать себя за осуждение ближних, потом удерживаться от осуждения

словом, когда мысль на то подвигнется, далее удерживать самую мысль. Кто довольно знает и судит себя, тому недосужно судить других.

Не бегайте упорно людей, между ними есть люди Божии. Надобно стараться и добрые дела вести с осторожностью, чтобы впереди их не шло наше мудрование и наша воля.

В отношении к людям разных исповеданий надобно со всею свободой и силою открывать убеждение в достоинстве православного исповедания; но в обличении заблуждений и заблуждающих терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение, осторожность так же нужны, как и ревность.

Легкого ветра легкомысленных слов человеческих не превращайте в бурю... Иная клевета изгоняет, приводит в нищету, повергает в темницу, это тяжело. А то не легче ли, когда клевета проходит мимо ушей, как ветер? Вниди в клеть твою и не слушай шума ветра.

Обхождение простое, мирное, спокойное, как без изысканной ласки, так и без ухищряемой холодности, полезно в отношении к немирным и не повредит мирным.

В уповании на Бога, понесем трудности и сохраним наш мир, хотя бы не встречали его со стороны других. Ибо речено: с ненавидящими мира беж мирен. Да дарует же Господь и им возлюбить мир.

С оком подозрительным можно дойти до человеконенавидения; кто хочет иметь любовь к ближнему, тот должен иметь око простое.

Сердиться не полезно. *Гнев мужа правды Божия не соделывает.* Можно гневом только произвести или увеличить раздражение другого, а привести в лучшее расположение можно только терпением и миром. Духовный закон говорит, что надобно помочь ближнему, и притом не оскорблять другого.

Правду говорить дело хорошее, когда нас призывает к тому обязанность или любовь к ближнему, но сие делать надобно, сколь возможно, без осуждения ближнего и без тщеславия и привозношения себя, как будто лучше другого знающего правду. Но при том надобно знать людей и дела, чтобы вместо правды не сказать укорины и вместо мира и пользы не произвести вражды и вреда.

Слово человеческое может быть изострено, как меч, и тогда оно будет ранить и убивать, и может быть умягчено, как елей, и тогда будет врачевать.

Не судите, да не судимы будете, хотя бы казалось, что и не без причины осуждаете, потому что ближний своему Господеву стоит или падает. А еще хуже, если судите, как судят судии помышлений злых. Вы думаете, что люди празднословят, а они говорят о пользе души и о делании

добра.

Осуждением ближних много лишаем мы сами себя. Надобно сего беречься и заглаждать сие осуждением и укорением себя, и молиться, чтобы Бог милостив был к тем, которых мы осудили, а к нам вместе с ними.

Старайтесь намерение и сердце ближнего понимать в хорошую, а не в худую сторону, тогда вы будете безопаснее от вредной погрешности, а он удобнее сделается лучшим.

По рассуждению древнего философа, ударом осла не должно тревожиться.

О магнетизме, когда спрашивали меня, употреблять ли, отвечал и я, что христианам даны высшие и вернейшие силы, вера и молитва, а, следовательно, пускаться в низший путь, оцупью пролагаемый своемыслием человеческим, есть упадок.

Правда и то, что добро есть сила, а не добро немощь; но все не без заботы, чтобы страстная воля не смешала и не затмила света. Господу помолимся.

Не любим, – сказано, – словом или языком, но делом и истиною. Итак, любовь не теряет от молчания. Истина не перестает, когда перестает слово.

Помолимся, да благословит Господь и слово, и молчание; да не будет ни слово праздно, ни молчание безсловесно.

Всякий действующий больше или меньше распространяет жизнь, какую живет, новую или ветхую. Дар распространять в других высшую жизнь есть высший: благо тому, кто употребляется благодатью в орудие сего. Но, не дерзая приписывать себе сего, человек может желать, чтобы по крайней мере не распространять жизни ложной, плотской, греховной, лицемерной, неправым словом, недостойным примером. Жизни *лицемерной*, представляющей только поверхностный образ благочестия, особенно приличествует имя *ложной*.

Блажени есте, егда поносят вам. Блажени! Не надобно ли стараться приближаться к блаженству? Как же достигнем быть *блаженными*, *егда поносят*, если не можем снести, когда говорят, что мы под следствием или судом еще не осуждены, между тем, как много и осужденных судом, но которые потому еще не в поношении?

Внимая себе, не без внимания должны мы взирать на многие окрест скорби, от скудости и другие, по праведным судьбам посещения Божия. Они должны побуждать иных к терпению, иных к исправлению, иных к благодетворению, а посветивших себя Богу наипаче к усугублению молитв о

наших грехах и о людских неведениях.

Есть печальные, которые жаль что не растворяют своей печали утешением. Есть утешенные, которые жаль, что не примешивают к своему утешению несколько печали, которая происходила бы от любви и смирения. Есть люди, для которых невидимое как будто не существует – невыгодное устранение от неминуемого. Но есть также люди, которые силою воли сделали, так сказать, пролом в духовный мир, или думают, что сделали, и стараются удержать его открытым. Надобно ли? В порядке ли? Не скромнее ли остаться в ожидании и надежде пред затворенными воротами града – в ожидании, когда отверзет их *имеяй ключ Давидов*?

Одно смирение может водворить в душе мир. Душа не смиренная, непрестанно порываемая и волнуемая страстями, мрачна и смутна, как хаос; утвердите силу ее в средоточии смирения, тогда только начнет являться в ней истинный свет и образовываться стройный мир правых помыслов и чувствований. Гордое мудрование, с умствованиями, извлеченными из земной природы, восходит в душе, как туман, с призраками слабого света; дайте туману сему упасть в долину смирения, тогда только вы можете увидеть над собою чистое высокое небо. Движением и шумом надменных и оттого всегда безпокойных мыслей и страстных желаний душа оглушает сама себя, дайте ей утихнуть в смирении, тогда только будет она способна вслушаться в гармонию природы, еще не до конца расстроенную нынешним человеком, и услышать в ней созвучия, достойные премудрости Божией. Так, в глубокой тишине ночи, бывают чутки и тонки отдаленные звуки.

Сердца чувствительного и любящего не браню, ибо лучше ли холодное и каменное? Каменное надо разбить, холодное согреть, чувствительное и любящее надобно возвысить от любви естественной и духовной. Для сего последнего путь одинокий есть благий путь Провидения, чтобы оно, погрузясь в связи семейные, не погрязло совсем в одной естественной любви. И детство сердца не во всех отношениях страшная вещь. Господь велит быть детьми. Апостол толкует: *Не дети бывайте умы, но злобою младенствуйте*. Следовательно, будьте незлобивы, как дети, будьте добры, как дети, будьте простодушно любящи, как дети. Не надобно жаловаться на то, что Бог дал в природе, но возвышать оное к благодати, и будет все благо.

Это не редкость, что внимательный человек в естественном характере своем находит то, что нужно исправить и что трудно переломить. Правильно то, что человек прибегает к Богу, прося в сем помощи. И если не скоро дается помощь, не надобно унывать, но продолжать ударять в

двери милосердия, а с тем вместе и самому подвизаться должно, чтобы удерживать неблагоприятные движения сердца и воли. В минуты негодования и гнева не надобно позволять себе говорить и действовать, а надобно взять время, утишить страсть рассуждением и молитвою, и потом с умеренностью произнести обличение и со снисхождением определить наказание согрешившему. *Плод правды сеется в мире творящем мир.*

Искушение перенести можно, яко не даст Господь искушиться паче еже мощи, если мы терпим и на него уповаем; – что перенесенное искушение приносит пользу; а желание избежать искушения не всегда может быть успешно.

Множество чудес не ведет ни к какому заключению. – Одно чудо может быть достаточным доказательством Божества. И тысячи чудес могут показать только пророка. Воскрешение Лазаря являет Чудотворца Бога, но чтобы сие видеть, надобно открыть в оном черты, возвышающие сие чудо подобными, по-видимому, чудесами Богоносных человеков.

Почему вы думаете, что далеко радость? Она близко, позади скорби, как в Песне песней, жених за стеной близ невесты. Вечер водворится плач, а заутра радость.

Очень надобная осторожность присоединять к приятному пряное, к радости трепет, к радости о Боге трепет о своем недостойнстве, которое может и чистый источник возмутить излишним движением, и свет затмить или превратить в поверхностный блеск и призрак.

Невидимые, но подлинные грехи видеть иногда препятствуют человеку видимые, но мнимые добродетели.

Нередкая в наше время черта, что некоторые люди мнят знать дело, ревновать о пользе, службу приносить Богу, а в самом деле угадывают (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь в моде и покровительствуется сильными, и служат ей в надежде, что и она им послужит.

Радость земная пронизывается печалью, потому что душа сокровенно чувствует неудовлетворительность земного и потребности лучшего. Печаль о Господе пронизывается радостью, потому что душа предчувствует то, что сказано апостолом: *Печаль яже по Бозе, спасение соделовает.* Да възщем радости, в которой бы не скрывалось жало печали. Да не страшимся и печали, которая в радость будет.

Истину, хотя и печальную, надобно видеть и показывать, и учиться от нее, чтобы не дожить до истины более горькой, уже не только учащей, но и наказующей за невнимание к ней.

Вы говорите, что неуверенный в победе всегда будет побежден. Позвольте мне несогласиться с сим. При обстоятельствах, не

располагающих к уверенности в победе, сражающийся за правое дело и надеющийся на Бога может одерживать победы сверх ожидания. Бывают случаи, когда выдержание боя с некоторым уроном есть заслуга в том, что не допущено совершенное от врагов поражение и разрушение.

Отторгнемся хотя на время от всего земного и преходящего, к которому привязаны, то по необходимости, то по воле, и свободно и не развлеченно воззрим к небесному и вечному. Се из тридневного гроба восходит Свет жизни вечной. Одни видят и веруют, другие не видят и веруют: и все блаженны тем, что веруют.

Когда дльбрые души берутся, они уносят с собою часть милости Божией, нисходящей на них и чрез них, и оставшимся нам, грешным, более угрожает гнев Божий.

Надлежало в свое время думать, куда вас несет, а куда занесло, не без крыла Провидения, там и надобно сидеть или ходить путями правды.

Не бесполезно в болезни испытать чувство отрешения от мира, чтобы и после болезни придерживаться сего чувства. Неудивительно, если чувство сие не так легко приходит после болезни, как во время болезни; в болезни Бог дарует оное на потребу немощному, а в здравии требует, чтобы он подвизался обрести оное.

Против нашей немощи, греховности, ничтожности есть безконечная благодать и всемогущее милосердие Божие. А против лености Бог положил нечто и в нас, ибо если умеем победить леность и трудиться неутомимо и неусыпно для выгод мирских, как можно часто видеть во многих, то почему не возбудить себя к подвигам для Царствия Небесного? А поскольку возбуждаемся, Бог и дело Свое указывает, и силу творить оное дарует, не так, впрочем, иногда, чтобы нам тотчас видеть и успех дела, но довольно, что не дает препятствиям и отчаянию победить нас. Впрочем, дом душевный, по большей части, строится подобно тому, как по сказанию о церкви Киевской лавры: пока строили, она все была немного выше земли, а явилась вся, когда вся была достроена.

Печаль может быть справедлива, но никогда не должна быть чрезмерна. *Печаль многи уби*, – говорит опытный мудрец, – *и несть пользы в ней*. Печаль никогда не должна быть сильнее веры в Бога и надежды на Него. Что бы ни произошло, надобно веровать в Его милосердие и надеяться от Него помилования. Для сего надобно отвлекать мысль от предмета печали и занимать ум и сердце молитвою. Не должно смущаться тем, что в сих обстоятельствах молитва не совершенна. Приносите Богу намерение молитвы, Он призрит и даст молитву молящемуся.

И плач святых о временном лишении не назван благоприятной

жертвой Богу, а наше продолжительное и тяжкое сетование не только не богоугодно, но даже грешно. Нам сказано: *Не скорбите, якоже прочии, не имущии упования*. Наше дело нести надагаемые кресты с любовью, детским смирением и христианским терпением, а не измерять их и не сравнивать с другими, не сетовать в лишениях, а бодрствовать над собой и крепиться, дабы, изнемогши, не лишиться уготованной награды.

Утешители, а не исцелители зол вси, – говорит Иов о друзьях своих. Таковы и все человеки. Один Бог может утешить истинно, и тогда как дарует, и тогда как отъемлет.

Если терпишь искушение и скорбь от ближних, упражняй себя в терпении и в прощении оскорбляющих. Так за динарий искушения можно купить сокровище добродетели. Если терпишь скорби безвинно, благодари Бога. В слове «безвинно» есть сильное врачевство против скорби.

Когда котел кипит в огне, тогда не смеют к нему приблизиться ни насекомое, чтобы осквернить, ни наглое домашнее животное, чтобы похитить пищу, приготовляемую в нем для человека. Но когда снимется с огня и остынет, тогда насекомые роятся около него и падают в него, и наглый пес может приблизиться, осквернить, похитить. Подобно сему, когда душа человека кипит огнем Божественного желания, сей духовный огонь служит ей в одно время и силой для действия, и броней для защиты. Но если небрежение допускает угаснуть сему огню, и благочестивое усердие остывает, то суетные, лукавые, нечистые помыслы родятся и роятся в области чувственной, падают в глубину души и оскверняют ее, и может прийти наглая страсть, и расхитить в душе, что в ней уготовлялось для благоугождения Богу.

Когда горит дом, толпы народа бегут сражаться с огнем за бревна и доски неизвестного хозяина. Но когда душа горит огнем злой страсти, похоти, ярости, злобы, отчаяния; – так же ли легко находятся люди, которые поспешили бы живою водой слова правды и любви угасить смертоносный огонь, прежде нежели он обнял все силы души и распространился до слияния с огнем геенским?

Душу свою человек не до глубины видит. Подобно есть Царствие Небесное семени, еже человек всевает в землю, и *семя прозябает и растет, якоже не весть он*. Между снятием и жатвой бывает не только дождь, и ветер, и холод, и жар, но и зима. Да сеет человек доброе семя в душе, да поливает, да хранит посеянное и да ожидает милости от Бога, Который един возвращает.

Когда ассирияне под стенами Иерусалима кричали к стоящим на стенах иерусалимлянам, произнося хульные слова на Бога и усиливаясь

поколебать их в вере к Богу и в верности царю, тогда благочестивый Езекия не велел своим отвечать, а сам пошел в храм и молился. Так должны поступать и христиане во время обуревания помыслов. Не отвечай, ие слушай, углубляйся в свое сердце, призывай имя Господа Иисуса, ограждайся крестным знамением, внешне и внутренне.

То правда, что некоторых Бог посредством бедности ведет ко спасению, но сие Он Сам делает, а вам сего делать не поручил, а вам сказал Сын Божий: *От сущих творите милостыню*. Исполняйте сию заповедь и спасайтесь ею. А для того, нужно ли кого очистить бедностью, Бог не попросит у вас помощи. Если хочешь сделать добро и искушаешься помыслом тщеславия, и если дело терпит время, не спеши делать и укроти помысл тщеславия. Но если надобно накормить голодного, поспеши накормить, и также поспеши осудить и попать твое тщеславие.

Свобода, исключаяющая всякую возможность уклонения от добра, есть всесовершенная. Божеская; нелепо было бы требовать, чтобы Бог сотворил человека Богом вместо твари. Не дать человеку свободы, ограниченной, свойственной твари, не исключаяющей возможности уклонения от добра, значило бы сделать человека машиной. Машина, если не может делать зла, то не может делать и добра и блаженствовать.

Василий Великий на вопрос: как произошло зло? – отвечает: оно произошло так, как происходит темнота, когда зажмуришь глаза. Сотворивший око не виноват, что ты закрыл глаза и тебе стало темно. К чему служит свобода? – К тому, чтобы избирать добро и блаженствовать по-Ангельски и по-человечески, а не только бродить по земле, как скот, или прозябать, как трава.

Для дела духовного преимущественно нужно благословение Божие, которое приобретается чистыми побуждениями, а не тогда, когда в залог поставляется угождение тщеславию.

От несчастного примера может родиться несчастный обычай.

Надобно, чтобы простота была не без мудрости.

Как не догадался до сих пор, что простота обличает, а изысканность мучит?

Стыдно и то видеть, что в соблюдении воскресного дня неправославные лучше православных. Иногда беспорядок сей становится неисправим человеческими средствами, надобно страшиться исправительных мер с неба, более сильных, нежели какие уже испытываем.

Есть служение Богу и в том, чтобы не сильно настоять на исполнении своего, впрочем, доброго желания и благодушно внять тому, что

предлагается с добрым намерением и любовью.

Не должно бояться делать ближнему добро в уповании на Бога, а не на себя. Господь не лишит Своего охранения и защиты делающего сие.

Личную откровенность, которой в избытке не решился бы человек требовать, должно принимать, как дело свободного рассуждения, с таким уважением и со страхом Божиим, как следует принимать тайну христианской души, которая есть Божия.

Надобно опасаться, чтобы не написать больше того, что говорит истина, или меньше того. Сия осторожность не так трудна: и она только надобна.

Только на истине и правде можно основать спокойствие себе и другим.

Уничуждение по воле, разумеется, легче переносить, нежели от других, как и всякий подвиг, но что полезнее?

Вид страдания добрых производит особую печаль, не жестокою, но глубокую.

Можно стучать в запертую дверь с молитвою, но с советами можно только войти в отверстую.

В молчании все рождается и растет. Дела, о которых рано провозглашают, часто кончаются звуком слов.

Хорошо молчание с кротостью и со смирением, хорошо и слово с любовью к добру и ревностью к правде.

Радуйтесь о Господе и тогда, когда образ мира сего не обещает радости, или, что не лучше, прельщает людей веселием, подобным треску терния, горящего под котлом.

Твердой истине слабые доказательства не только не пользуют, но и вредят, открывая уязвляемое место врагам.

Каковы бы ни были обстоятельства, унывать не надобно; от уныния делам не лучше, а нам самим хуже.

Отцы учат нас не останавливать мыслей наших на тех людях, которые занимают лучше нас положение, хотя, по-видимому, не больше – или не меньше – имеют на то права, но лучше смотреть на тех, которые не менее, или не более нас, имеют права на положение приятное, но находятся в более неприятном, нежели мы. Первое ведет к ропоту или зависти, а последнее располагает быть довольным нашим положением.

Добродетель ли призывать другого, чтобы он шел положить душу свою за брата, а свою душу уносить, куда ей хочется и где ей легче?

Будите мудры, яко змия, и цели, яко голубие. Сие правило дано нам на все случаи жизни, и в трудных не недостаточно.

Учиться приносить в жертву Богу все, что нас как-нибудь занимает между людьми, – вот это дело!

Не полезнее ли заботиться о том, как встретить кончину с миром и благой надеждой, нежели о выборе места в земле для земли, непременно такого, какое нам пришло на мысль, и готовить памятник и сочинять надгробие?

Если невольно чувствуется тягость жизни, надобно возводить взор к милующему Богу, но жаловаться на тягость жизни не должно. Бог дает и продолжает ее для нашего спасения, следовательно, это дар, дарующего благодарить должно, а не жаловаться.

Не всякий подвиг, о котором слышится, надобно перенимать. Не всякий подвиг всякому полезен и удобен.

Если сказано: *богатство аще течет само собою, не прилагайте сердца*, не гораздо ли хуже, чтобы сердце за ним гонялось?

Опытная мудрость говорит: в радости не забудь готовиться к скорби, в скорби не забудь надеяться лучшего.

Если Господь даровал быть раю в душе вашей, то и да сохранится он в ней, и вы не оставляйте делать его и хранить, посильным упражнением в добре и воздержанием себя от всего, что бывает не по воле Божией, а по своеволию человеческому.

Думать, что кого-нибудь не любим, не согласно со спокойствием души. Потому не надобно сего думать. А надобно молиться за ближнего, с мыслью о своей обязанности и о воле Божией.

Научитесь быть просты, не называть людей изысканными именами, которые выше их, и не заниматься ненужными убеждениями.

К тому, от кого желаем слышать правду, особенно духовную, должны и сами мы обращаться с простою правдой и не величать человека напрасно, потому что если он будет слаб и прельстится величанием, то он не будет стоять в правде, следовательно, и не надежно будет услышать от него правду, а если будет строг, то может случиться, что и отвечать не станет.

Заповедь не любить сына и дочери паче Господа может сохранить и тот, кто живет в одном доме с сыном и дочерью, и может нарушить тот, кто живет не в одном доме. Но в котором из сих положений лучше надеетесь сохранить заповедь, то изберите.

Наш век

Усиленное стремление к преобразованиям, неограниченная, но неопытная свобода слова и гласность произвели столько разнообразных воззрений на предметы, что трудно между ними найти и отделить лучшее и привести разногласие к единству. Было бы осторожно как можно менее колебать, что стоит, чтобы перестроение не обратилось в разрушение. Бог да просветит тех, кому суждено из разнообразия мнений извлечь твердую истину.

Век сей так страстен к беспорядку и вздору и так забыл первые начала здравого смысла и приличия, что между ревностью строгой, которой он не помышляет и не переносит, и между недостатком ревности, преступным против истины, трудно пробираться тропинкой ревности терпеливой.

Век, сделавшись худ, легче верит худому, нежели доброму, и особенно там, где доброе должно быть примерным.

Дело Божественное хотят подчинить закону развития, взятому от дерева и травы. И если хотят приложить к христианству закон развития, как не вспомнят, что развитие имеет предел? Из земли выходит былинка, потом она становится деревом, растет, дает цвет-плод, развитие кончилось; следует постоянная жизнь плодоношения, потом старость и разрушение. Семя веры посеяно в начале мира, росло века, процвело и принесло плоды в открытии христианской Церкви, за сим и по закону развития должна следовать постоянная жизнь плодоношения, и если не сохраним живого дерева, иные ветви отломятся, увянут, засохнут, или полуотломленные будут зеленеть полужизненно, доколе живое дерево превратится в древо очевидно райское, а вялое, сухое, умершее посечется и во огонь вметнется.

В наше время мы много хвалимся и не довольны каемся. А время советует меньше хвалиться и больше каяться.

Ученик пророка Иеремии Варух скорбел о своих личных несчастиях. Господь повелел Иеремию сказать Варуху: *се яже Аз насадил, Аз разорю; и ты ли възвещи великих? Не ищи. Вот Иерусалиму угрожает разрушение, народу Божию плен: скорби об обещанном, и пред сим не почитай великими твоих личных несчастий.*

Когда Варух тосковал об отечестве и о себе, Господь сказал ему чрез Иеремию: *се, яже Аз соградих, Аз разорю.* Какое страшное решение. Господи, не разори. Порази елико сие заслужили, но сохрани Твое в небе. Потряси землю, чтобы мы пробудились, чтобы возопили к Тебе, чтобы Ты

услышал наш вопль покаянный и чтобы не до конца прогневался на небе.

Наши изуродованные суетой обычаи, не исправляемые и грозным временем, угрожают более, нежели внешние враги.

Мне кажется, что дела наши не к золотому веку ведут. Кто-то говорит, надобно молиться, чтобы гроза не застигла нас, не предохраненных, не окончивших и, может быть, не начавших дела, рассеянных вне и не собравшихся внутрь. Мне сие слышится и, однако, дремлет. Пошлите мне петела Петрова будить меня.

Мне и вечерняя заря нынешнего, и утренняя наступающего года не покажется светлой. Облака темнеют, наносится дальний гул грома, громоотводов или нет, или их ломают. Волны восходят, Иисус же спаше. Восстани, Господи, запрети волнам и разжени тучи.

Век сей лукав, чистому добру неохотно верит; случаи к нареканию и клевете ловит жадно; жалом насмешки, даже неосновательной, язвит иногда не без вреда успехам добрых предприятий.

Что делать при видах века сего? Счастлив, кто может иметь дерзновение сказать с апостолом: *Желаю разрешиться, и со Христом быти*. Но и он не настоял на сие желание. *Потерни Господа*, – говорит пророк.

Непокойный век умножает дела.

Дивлюсь я нередко нынешнему времени, в которое люди, при возрастающей, по-видимому, образованности, оказываются не так осмотрительными в поступках, как в прежнее время; и даже те же люди, при возрастающей опытности, являются менее основательными, нежели за несколько лет. Это примечается и в малом, и в великом.

Братия, да внимаем и времени сему, чтобы возбуждать себя от небрежения и дремания. Шатаются языцы. Людие поучаются тщетным. Из христианских обществ исходят мужие, глаголющие развращенная. Безрассудные хуления провозглашаются как мудрость. Соблазн и беззаконие открывают себе широкие пути. В таких обстоятельствах особенно требуются живые жертвы, – за себя и за других, подвизающиеся в покаянии, молитвах и исправлении. К нашему званию паче других простирается сие требование.

Видите, до чего мы доживаем. Когда говорится некоторым, могущим не только слышать, но и действовать, для чего охранители не единомушны и не деятельны, когда противники единомушны и деятельны? – Отвечают только, что это правда. Господи, спаси Царя и Отечество!

Да будет блажен умиравший о Господе! Не должно ли сказать и то, что за сими словами следует у Тайновидца: горе живущим на земле!

Преставление добрых во времена искушений бросает тень на следующее время. *Мужие праведнии возьмутся, и никтоже разумеет сердцем: от лица бо неправды взялся праведный.*

Для века сего не довольно действовать справедливо, надобно иметь осторожность, чтобы буквой закона и формой не вооружились против правды.

Блажен, кто может сидеть в своем углу, оплакивать свои грехи, молиться за Государя и за Церковь и не имеет нужды участием в общественных делах *приобщаться чужим грехам* и умножать свои грехи!

Печально то, что видим, и паки печально то, что видящие не видят.

Спаси, Господи, благородное сословие. Оскудевает степенный боярин.

Если хотя за один год взять все худое из светских журналов и соединить, то будет такой смрад, против которого трудно найти довольно ладана, чтобы заглушить оный.

Вы думаете, что уравнение евреев с христианами в правах гражданских поведет к христианскому просвещению евреев. От Бога вся возможно суть, но по ходу человеческих дел едва ли ожидать сего можно. Быть может, что есть воля судьбы Господней, чтобы евреи прежде освободились, а потом просветились верой, дабы их обращение не казалось вынужденным. Но не искомая честолубивая свобода просветит их.

В старые годы богатый дворянин или доставил бы место и содержание бедному дворянину с семейством, или призрел бы семейство его и дал ему самому свободу следовать своему влечению. Ныне трудно найти сие.

Как наше время походит на последнее? Соль обуявает. Камни святилища падают в грязь на улицу. С горем и страхом смотрю я на изобилие людей, заслуживающих лишения сана. Но и то правда, что боюсь чужих грехов, а не своих!

Что это за несчастье, что о злоупотреблениях все говорят, и никто не может победить их?

Жалуются, что в Церкви часты праздники, а в театре праздники ежедневно. Праздники потеряны в духе, оттого не хотят их и в обряде. Что же? Может быть, уже надобно и нам не столько требовать их в обряде, сколько оплакивать их в духе, не сжалится ли Господь праздников, не сотворит ли по Своему слову: *вечер водворится плач, а завтра радость*, – праздник принятого покаяния и данной благодати.

Управление и служба

Всякий человек по мере сил и принятой обязанности должен назначить себе пределы действий и не переходить их без нужды. Так сохраняются силы в действиях и дело идет лучше, нежели когда хотят гнаться за двумя зайцами вдруг.

Чужие ошибки не оправдывают наших, и за то, что нам указывают наши ошибки, не должно скучать своим местом и желать другого, в котором встретиться могут свои неприятности, может быть, тем более уязвляющие, если мы, перекидывая себя с места на место по произволу, сами на них наткнемся.

Открывать и обличать недостатки легче, нежели исправлять. Несчастье нашего времени то, что количество погрешностей и неосторожностей, накопленное не одним уже веком, едвали не превышает силы и средства исправления. Посему необходимо восставать не вдруг против всех недостатков, но в особенности против более вредных, и предлагать средства исправления не вдруг все потребные, но сперва преимущественно потребные и возможные.

Как вы пришли в страну, где есть беспорядки привычные, то надобно как можно тихо приводить людей к порядку, чтобы порядок не показался стеснением.

Только спокойные и кроткие обличения вразумляют людей, жестокие более раздражают, нежели пользуют.

Лучше избыток доверия, нежели избыток подозрения. Ибо лишнее доверие – моя ошибка, а лишнее подозрение – обида ближнему.

Когда возникает помысл недоверия, непременно дается неприятное значение иному, что делается просто и случайно.

Есть джебрания. Так и должно казаться. И надобно, как можно более верить доброму, как можно менее худому. Однако опыты показывают, что и взор осторожности нужен. Есть добрые искренно, которые не поступят противно искренности; и есть желающие казаться добрыми, которые не всегда суть то, чем кажутся.

Хлопотать много по страсти, без нужды, не надобно, а пещись о порядке с рассуждением и миром надобно. Вспомните писанное: *буди бдя и утверждая прочая, имже умрети*. Мы бы сказали, для чего же заботиться, бдеть, утверждать то, что уже обречено умереть? Оставим, пусть кое-как остается до смерти. Но не то повелевает истинное слово: *буди бдя и утверждая*. Не будь нерадив. Не допусти до разрушения

прежде времени. Если скажем: не станем починивать ветхого дома, – будущей весной перейдем в новый, а ветхий будет сломан, то придет прежде весны зима и заставит нас раскаяться, что решились доживать кое-как без починки.

По доносу, который никого не щадит, но никого не именует, нельзя делать исследования.

Если от нас требуют ответ за строгие решения, то едва ли не более за слабые, – вследствие чего человек, осужденный, наказанный, и вновь виновный в оскорблении священнослужения, продолжать будет порочную жизнь и умножать соблазны.

Надобно доходить до правды, чтобы отдать справедливость правому. Прикрыванием неправого часто оказывается несправедливость правому, и страждет взаимная доверенность, без которой, право, тяжело.

Надобно обуздывать невежество безумных человек, только с правдой и с умеренностью, а не с гневом, ибо гнев мужа правды Божией не содействует.

Имейте терпение и поминайте слова, что достовернее суть язвы друга, нежели вольные лобзания врага.

Слово не смел, – никогда не казалось мне ни приятным, ни полезным, а неприятным и неполезным – нередко.

Если человек обманул меня однажды, под предлогом не беспокоить, не должно ли мне каждую минуту опасаться, что он и теперь меня в чем-нибудь обманывает? Так, для того, чтобы не беспокоить однажды, лишают спокойствия навсегда и разрушают доверенность.

Не только надобно поступать справедливо, но и с умеренностью, и с предусмотрением, чтобы и строгость, и снисхождение вели к улучшению дел и людей.

И правила и служба требуют достойных, а не сирот. О сиротах вмешиваем в дела заботу по нужде, и как бы украдкою от правил.

Чтобы сильно предстательствовать за человека, надобно его верно знать. Если не дано нам довольно глубокого взора, не будем спешить своей уверенностью и дадим время наблюдению по правилам.

Надобно различать скорость чрезмерно усиленную домогательством, которая подлинно не производит прогноза, от скорости умеренно усиленной действием причин. Помню я холодную весну, в которую хлеб долго не рос, а потом при усилившейся теплоте вдруг поднялся и урожай был хорош.

Боюсь человека, который замечен не мирным к начальнику. Хотя причина сего иногда может быть и в начальнике, но сыны мира и с

немирным начальником умеют охранять свой мир в терпении.

Человек нерассудительный и не исправляющийся при руководстве как будет благоразумным и исправным начальником? Получившие начальство по старости, без способности, всегда мало полезны, а во времена взыскательные – беда с ними.

Говорите о людях по необходимости терпимых. Надобно, чтобы они не были вредны: а терпеть вредных не должно быть необходимости.

Миловать и тайно врачевать – безспорно хорошо, когда так приемлется врачевание. Но когда явен проступок и явно неповиновение исправлению, и когда человек стремится далее на стропотный путь, не знаю, довольно ли сказать: поди с миром. Надобна некоторая осторожность, чтобы своеволие и худой пример не являлись побеждающими и торжествующими.

Снисхождение к преткнувшемуся и падшему надобно иметь, но снисхождение к небрежному и закосневавшему в падении имеет в обществе неблагоприятное действие, охлаждая ревность и распространяя небрежение. Надобно беречь каждого, но еще больше беречь дух всего общества.

Подумайте и то, не надобно ли иметь дар, чтобы прощать, иначе будешь поблажать. Илий думал, что кротко поступал с детьми своими, но не было то в милость никому, а в погибель всем. Аммон покрывал брата духом любви и духом благодати, сказав ему: внимай себе, потому следствие было в сем покаяние, в других назидание. Дар прощать выше дара исправлять наказанием. Успевает тот, кто берется за дело своей меры.

Начальник должен быть выше оскорблений подчиненных и вступаться за правду, порядок, за спокойствие других, а не за себя.

Если не отрекался некто с ненавидящими мира быть мирен, не отрекайтесь иметь мир с погрешающими, не отрекаящимися от исправления.

И в строгости остеречься надобно, да не преломится сокрушенная трость.

Истинная обязанность начальствующего и помощника ему не в том состоит, чтобы с завязанными глазами ходить между подчиненными, а в том, чтобы, узнав протыкание брата, не думать, что мы лучше его, и чтобы действовать в отношении к нему так же безгневно, как и прежде сего сведения.

Не излишне обратить внимание на то, правы ли мы, чтобы удобнее действовать на неправых с любовью и смирением.

Хорошо, если встречают по любви и смирению, или хотя бы по

обычаю, но приказывать о сем, значит встречать самого себя.

Как можно отказаться от обязанности знать истинное положение человека, который в нашем близком подчинении, который следственно нам поручен, и за которого мы должны будем дать ответ?

Обвинение в дерзости одно из слабых обвинений. Дерзко сказал упоминаемый в притче сын отцу: не иду; но когда дело сделал лучше слова, то оправдан. Легко может показаться, что начальник высоко себя ставит, обвиняя подчиненных в дерзости.

Неприятно одною властью заковать человека в должность, как в оковы, и видеть дело его действующим с ранами от сих оков. И не принесет всей желаемой пользы такая служба.

Утешительна в скорби человеку мысль, что он не сделал зла другим. Слава Богу, что это так. При сем не излишний и не бесполезный вопрос: не было ли мало употреблено осторожности, и нет ли случаев, в которых полезно усилить ее?

Хорошо, если встречаются по любви и смирению, или хотя по обычаю, но приказывать о сем значит встречать самого себя.

Неоднократно и говорил я, и писал, что о делах местных, имеющих некоторую важность, надобно представлять на месте, чтобы можно было рассуждать о деле не с немою бумагою, а с живым человеком и с местной очевидностью. Правильный надзор за счетом нужен и против греха неверности, и против греха напрасного подозрения.

Делаемое в полном послушании закону, конечно, более благословенно, нежели по рассуждению частному, упреждающему закон.

Если бы я знал, то был бы осторожнее и, при помощи Божией, старался бы очищать людей от дел, а если сие не успешно, то место от людей. Хорошо не раскрывать картин тьмы, но если сего не делать, как будет судить судья? То же и в управлении. Притом, можно указать зло, для предосторожности, не развивая обширных картин мглы без нужды.

Поставлять людей на опыт хорошо, но не в искушение.

Скорое правосудие уменьшает силу сделанного соблазна.

Обращайте в делах внимание на то, что позволяет или не позволяет закон и начальство, и верховный закон, – не делать ближнему того, чего себе не желаем.

Благо великим, когда близ их есть одушевленные благочестивой мыслью, и благо сим, когда они сию мысль искренне представляют великим.

Опасно искать общественного служения, когда знаем свои недостатки, препятствующие проходить оное с успехом, но и того, думаю,

остерегаться надобно, чтобы не оставить служения, к которому призваны и в которое допустили себя ввести, по своей воле, по нетерпеливости, по неудовольствию видеть свою личность меньше своего места. Надобно в сем испытать себя, прежде нежели оставим свое место. Если точно видим, что способности и силы наши не позволяют нам исполнить, чего требует служение наше, можно решиться оставить оное, чтобы не быть виной ущерба общего блага, и на сей конец представить начальству, какая способность или сила наша, по примечанию нашему, не соответствует потребности, и ожидать с послушанием, решится ли оно еще терпеть наши недостатки или признает нужным занять место наше иначе. Что касается до искушений от раздражительности, случаи к ним более или менее есть везде. Тишина духа утишает нервы.

Если не по собственному произволу переменяете место, тем лучше, ибо тем вернее по устройению Божию. А куда ведет Бог – добрый путь!

Недавно некто, встречая трудности в запущении дел своей службы, решился оставить оную. Узнав о сем, я напомнил ему слово Господне: аще гонят вы во граде, бегайте в другой.

Приходит на мысль предложить вашему размышлению слово Господне: Аще гонят вы во граде, бегайте в яругой. Видите, оно позволяет удаляться только тогда, когда гонят, а когда еще не гонят, надобно стоять и, несмотря на прекословия, свидетельствовать об истине.

Господь не говорит: уходите, когда вам трудно, нет, будьте там, где поставлены, делайте порученное вам до последней возможности, только тогда, когда гонят, не сражайтесь, – а отходите.

Если бы смотрели только на свое недостойнство, то все могли бы убежать от своих должностей, но мы должны взирать на волю и устройство Божие, и где Провидением Божиим поставлены, там по возможности трудиться и действовать.

Если действующий в пределах своих обязанностей увидит неудовлетворительность своего дела, он может успокаивать свою совесть тем, что действовал по обязанности, как умел. Но если последствием действия вне круга обязанностей окажется вред, то действующий понесет в совести двоякий упрек, что сделался причиной вреда и что действовал, когда не обязан был действовать.

Если скрыть от начальства один случай беспорядка, как оно может быть спокойно и не опасаться, не скрыто ли десяти?

Купцы не имеют иного оружия, как деньги, а как скоро где встречается какое опасное притеснение, готовы тотчас употребить сие оружие.

Надобно при открывающихся случаях глядеть не на теперешнюю минуту, а сколько нибудь далее.

Кажется, нужнее поощрять и наставлять людей, нежели переписывать уставы.

Скучно, что люди во всем видят беспорядки и злоупотребления и за беспорядки одного человека в одном месте хотят перестроить целый мир.

Язык

Бывало, искали достоинства в том, чтобы говорить мягко, а теперь ищут в том, чтобы говорить резко, и потому говорят хуже, нежели думают.

Дева, истина христианская, может получить и благолепную одежду размышления и слова возвышенного, и скромную одежду слова простого, но достоинству ее не соответствует одежда лоскутная и с грязными пятнами слова низкого и небрежного.

Слова не мелочи, когда дело идет о догматах и о святых, и особенно в такое время, когда правильность и точность слова нужно охранять с разумением, от умножения в письменности невнимания к законам языка, логики и вкуса.

Не расточайте великих слов для мелочей. Берегите их для того, что истинно велико.

Вы говорите доброе, но часто как будто без управления пускаете слово, и оно идет не прямым путем, не сказывает, что сказать хотели, сказывает иное, не дает себя разуметь.

Убеждение бывает к какому-либо действию, а в какой-либо истине удостоверение.

Воспитание и учение

Что нынешнее воспитание располагает к своеволию, это правда. Я нередко дивлюсь, с какой важностью и самостоятельностью ведут себя малолетние дети при родителях, и сии как будто не смеют прикоснуться к ним.

Есть оскорбление праздников хуже учения: торги, безвременное открытие питейных домов, зрелища. Если это неисправимо, не остается ли терпеть и то?

Для иных семинарий не нужно, а для иных не излишне было бы сказать и сие: посмотрите в книгу поведения и, если найдутся замеченные неоднократно в предосудительных поступках, обнаруживающих повреждение нравственности, и не оказавшие совершенного исправления, – измите злое от вас самих.

Мне кажется недостаток не столько в уставе училищ, сколько в исполнителях. Ректоры слабо смотрят за учением и поведением, и архиереи недовольно ревностны, от каковых первый есмь аз. Некоторые даже почитают училища чуждыми для себя.

Хорошо дать церковную одежду ученикам, если есть надежда сделать ее постоянной, а если будут лицемерить и вне училищ переодеваться в светскую одежду, то пользы не будет.

Учение грамоте по церковным книгам, без сомнения, пришло к нам из Греции. Думаю, и везде в христианстве так было прежде. Жаль, что суетный век не понял важности сего и сбился с сего пути так, что теперь трудно возвратить от глупых распутий тех, кто более других имеют притязания на просвещение.

Богослужение

Сердца требует Господь. Молитву Церковь влагает в уста, чтобы она проникла в сердце.

Слава Богу, что дал Он тоску по церкви. Когда можно, пусть она приведет вас в церковь, а когда нельзя, скорбь лишения Господь примет от вас, как жертву. Услышав благовест, приходите мыслью в церковь, припоминайте себе тамошнее действие и молитесь.

Православная Церковь молится о соединении Церквей так, чтобы соединение Православных Церквей существующее было благодатию Божией сохранено, и чтобы благодатию Божиею возстановлено было соединение с Православною Церковью и тех Церквей, которые отделило от нее какое-либо неправое учение.

Иное дело молиться о соединении с Православною Церковью неправославных Церквей в литургии оглашенных, а иное поминать не православных в диптихах при таинстве Евхаристии. Неправославные самым неправославием отлучили себя от общения таинств Православной Церкви: сему соответствует непоминание их при таинстве Евхаристии и исключении из диптихов.

Вы вините Архимандритов, что они, кадя не входили в алтарь. Ведомо да будет Вам, что так следует по чину, которому Ваш покорный слуга, вероятно, несколько научился в Успенском соборе в тридцать слишком лет. Здесь один Архиерей, представляя образ Христов, входит в Свята святых, Архимандриты и священники проходят пред Свята святых, и, смотря только в царские врата, кадят в алтарь.

Один праздник Благовещения устав соединяет со днем Пасхи, поскольку оный есть праздник не только Пресвятой Богородицы, но и Христов. Праздникам святых устав общей службы велит, как звездам пред солнцем, скрыться пред днем Пасхи и только при вечере его являть свой свет.

Церковные чиноположения Страстной и Светлой недели, или, как древние говорили, Пасхи страдания и Пасхи воскресения, подлинно чудное сокровище. Каждый день Страстной недели видишь в церкви происходящее в Иерусалиме и на Голгофе в тот день. С какой полнотой и точностью из четырех Евангелий соткана одна непрерывная ткань событий и созерцаний! Как знаменательно сближены пророчества с событиями, и взаимно светят пророчества событиям и события пророчествам! Нельзя не убедиться и не чувствовать, что тако *изволися Духу Святому* и отцам

Церкви.

Совершение Златоустовой литургии в постные дни, в существе, не есть важное изменение порядка. В древности не так на сие смотрели в некоторых местах, как ныне вообще в Православной Церкви.

Желающим поминовения усопшего (в Вел. пост) можно исполнить сие в субботу.

Никогда не разрешал я совершать Златоустову литургию для поминовений или праздника в Великий пост, кроме дня святителя Алексия; но сей ныне мы перенесли с понедельника на воскресенье. Разрешал же я в пост Златоустову литургию только в домовых церквях, по двум крайним нуждам: для рукоположения в священника, чтобы приходская церковь не оставалась бы долго пуста в такое время, и для приобщения многочисленных кадетов, которых вдруг к субботе исповедать и в субботу приобщать неуместимо.

Зная некоторых лютеран, имевших уважение и веру к Православной Церкви, но скончавшихся вне соединения с нею, в утешение присных верных я позволял о них молитву, не открытую в Церкви, с которой они открыто не соединились в жизни, а дома.

Надобно поговаривать поющим, что пение искусное приятно людям на краткое время, а пение благоговейное угодно Богу и людям полезно, вводя в них дух, которым оно дышит.

Пения по нотам я не запрещал, но пения партесного никогда в женских монастырях не находил порядочным, и потому никогда не одобрял. В нем более труда, нежели пользы, более тщеславия мнимым искусством, нежели назидания и помощи молитве.

Пусть регент настраивает хор, а епископ распространяет дух гармонии в церкви, да будет вся она единым духовным хором и органом Божиим.

Если язык богослужебный должен быть сохранен богослужебным, то должно стараться, чтобы он как можно более сохранялся общепринятым, а для сего полезно, чтобы не отвыкли читать на нем Священное Писание.

Общеобязательного Богослужения не умеем исполнить с полнотою, без поспешности и сокращений, а изобретаем протяженные службы, обильные более словами, нежели силою.

Вы говорите: только бы молился человек, какими бы то ни было словами. Согласен, и прибавлю, что в простоте верующий иногда нестройными словами молится лучше разумевающего, чему есть пример в сказаниях отцов. Но иное молиться для себя, иное публиковать слово молитвы для употребления другим. Церковь дает нам молитвы, взяв из уст

святых, чтобы молитвы были хороши я чувством, и примером, и разумом. Не прав тот, кто предлагает другим свои безтолковые выражения молитвы.

Вообще, мне кажется, не излишняя осторожность, чтобы при общих молитвах употреблять только то, что благословлено и принято Церковью, а не вводить нового, хотя и доброго, по частному изволению, которое может отворить дорогу к нововведениям сомнительным. Мне кажется, надобно стараться не о расширении церковного правила, но о том, чтобы существующее правило совершаемо было больше и больше степенно и неспешно, чтобы больше давать места внимания, размышлению, умилению и созерцанию.

Православное Богослужение, древнее, мудрое, полное благодати и назидательности, мы исполняем слабо, спешим, сокращаем и еще стесняем оное новосоставленными песнопениями, подражая одному или двум истинно церковным, во внешней словесной форме, не много заботясь о том, ясен ли в них дух жизни. Что же нужнее: стараться ли дать большую силу существенному Богослужению или усложнить стесняющую его силу?

О акафистах моя мысль, чтобы употреблять древние Иисусу Сладчайшему и Божией Матери, а не вводить новых, которые дозволено напечатать, но которые не получили еще полного характера церковного.

Всем новым творцам акафистов надобно пожелать, чтобы их акафисты были произведением духа, а не литературы, чтобы они читающего возводили к созерцанию или погружали в умиление, и питали назидательностью, а не осыпали градом хвалебных слов, с напряженным усилием отовсюду собранных. Св. Григорий Богослов не написал акафиста св. Василию Великому.

Не излишне был бы рассудить, полезно ли для Церкви печатать новосоставляемые службы и акафисты, в которых много слов и мало духовных мыслей и назидательности, и занимать сим неразборчивых, тогда как не находят довольно времени и усердия в точности исполнить богодухновенными отцами преданные существенные службы.

Монастыри и монашество

Будете иметь мир, растворяя действия власти терпением и любовью, по слову Апостольскому, *якоже доилица грет своя чада. (I Сол. 2, 7)*.

Апостол дает нам наставление и пример обращаться с братией не подобно властелинам, а подобно кормилице, имеющей на руках младенца. Если он и упрямо раскричится, его не бранью и угрозами, но лаской и кротостью приводят в покой.

Прекрасен совет отца Серафима не бранить за порок, а только показывать его срам и последствия. Берегитесь самонадеяния, берегитесь поступать по первым движениям собственной воли, рассуждайте о всяком деле со вниманием; очень мало дел, которые безопасно было бы делать как случится, советуйтесь часто со старшими и благонамереннейшими из братии, любите слушать правду и умеете не гневаться за правду грубую.

Немощь брата надобно покрывать и тихо исправлять, доколе нет соблазна многим, а когда соблазн является, то надобно или присоветовать брату инуды, чтобы и он меньше смущался, и меньше смущал других.

Как должность духовного отца не входит в должность архимандрита, то лучше как можно реже выступать из пределов обязанности в область произвольного действия, и принимать на исповедь людей мужского пола, с рассмотрением благословной вины, а людей женского пола – только по самой настоятельной нужде.

Монахине неприлично зажигать светильник на святом престоле. Монахиня может пользоваться правами диакониссы, входить в предалтарие к жертвеннику и в другое предалтарие, но к престолу прикасаться могут только священнослужители.

Если удостоены утверждения женские общежития, имеющие целью только собственную тихую и благочестивую жизнь сестер, то можно полагать, что не менее, или даже более достойно утверждения общежитие, которое к вышеозначенной присоединяет другую цель – оказывать человеколюбие бедствующим ближним.

Как скучно видеть, что монастыри все хотят богомольцев и дохода с богомольцев, то есть сами домогаются развлечения к искушения. Правда, им недостает иногда способов, но более недостает нестяжания, простоты, надежды на Бога и вкуса к безмолвию.

Некто, живущий не в монастыре, но монастырски, слышал в видении: монастыри плачут, и вопль их восходит на небо. Я думаю, что монастыри плачут о том, что живущие в них много строят стен каменных, а мало

пекутся о созидании дома душевного, от них же первый есмь аз.

Очень жаль, что и монахи смотрят вверх, а не в землю, как учили отцы.

Иное дело идти на Афон для безмолвия, а иное, после удаления на Афон для безмолвия, с именем афонского безмолвника идти жить в молву московскую на подворье.

Пчелы улетают из улья и возвращаются, принося мед; монахи выходят из монастыря и часто возвращаются, потеряв немало меда и принося что-нибудь не так хорошее, как мед.

Безмолвие, конечно, вещь хорошая. Но думаю, кто призван послужить в обществе, не должен уходить от сего без особенного указания от Провидения Божия.

Не надобно по лености делать меньше, нежели требуют, но не надобно делать и больше по произволу. В келлии можно молиться, сколько угодно, для церкви есть порядок более строгий. Как могут спросить: зачем не молятся? Так могут спросить: зачем молятся?

Братолюбивое сближение для добрых упражнений 0 вещь хорошая. Желательно бы сего было больше. Но надобно, чтобы особенные сближения не были многоприметны, чтоб не делать вида отделения частного от братолюбия всеобщего.

О каком величии говорите вы между монахами? *Болий в вас да будет вам слуга.* Куда же мы денем сие слово?

О монахах Епископу пещись должно, но способом попечения надобно соображать с обстоятельствами времени и места. В управление женскими монастырями меньше удобства входить близко, и здесь труднее выбор начальствующих, здесь нужна особенная осторожность.

Кто не оказал заслуг и в характере требует искушения: как того рекомендовать к архимандрии?

Торжествовать вступление в должность благочинной угощением, значит провозглашать по-светски свой чин, которого еще не дано, а не вступать в дело послушания с тихостью и смирением.

Скит для уединения, а не для показывания. И тех, которые сами желают посетить скит, надобно допускать с рассуждением, чтобы сие не было в рассеяние безмолвствующим. А приглашать никого не должно.

Надобно, чтобы скитяне хранили его [скит – А.Л.] от известности, за которую легко вкрадывается молва.

Не надобно усиливаться для голоса привлечь в скит человека, который не привлекается туда духом.

Если Матфею предлагают заслуженный крест, то вероятно, по

незнанию, что он уже монах. По закону и полученный до монашества крест, при вступлении в монашество, отдаляют. Может отвечать так: если по закону следует получить мне крест, то я согласен принять его на память службы и царской милости.

Монашество сделано на то, чтобы шли служить Богу и Церкви с пожертвованием всего; теперь идут в оное, имея в виду выгоды впереди (например, должность ризничего) и позади (например, производство сына на свое место); и того еще мало! Смотри на сие и на многое подобное, подумаешь, не пора ли нам сказать самим себе: время начати суд от дома Божия?

Скажите наместнику, чтобы он разбирал свои помыслы. Его подпись: *убогий Феофил* есть тщеславная и гордая. Без нужды называть себя убогим есть тщеславиться своим мнимым смирением. Имя лица без имени должности пишут только люди, которых имя очень известно, например, государи, а Феофил!!! Скажите ему, что монаху надо быть просто, и простотой неподдельной, но прибавьте, чтобы он принял и мои речи просто и чтобы не думал, что я, обличая его, унижаю в своих мыслях или гневаюсь на него, нет, я только исполняю сказанное: *лучше обличения откровенна тайныя любве.*

Начальница желает, чтобы сестры и малости не могли принести ей в подарок, что бывало обыкновенно. Это хорошо. Растолкуйте и сестрам, что это хорошо и что начальницу ничем лучше нельзя дарить, как послушанием и любовью.

Тем, которые жалуются, что мало ученых монахов, не бесполезно было бы посоветовать, чтобы тщательнее образовали в монашеском духе и в способности к службе тех немногих, которые выходят из их рук.

Сердце Царево в руке Божией было, когда он не соизволил на умножение монахов в общежительных монастырях, это было бы не полезно. Видя в ведомостях, что послушники одобрены более иеродиаконов и иеромонахов, спрашиваю настоятеля, отчего это? Отвечают: нынешние люди непостоянны. Сначала усердны и берегут себя, чтобы заслужить монашество или священство, и потом обленяют. При таких обстоятельствах хорошо, что штат ограничен, и потому послушники не так скоро достигают монашества, имеется более времени испытать и направить их. Если бы дана была воля епархиальным архиереям постригать, сколько хотят, прибежали бы толпы молодых монахов без монашеского духа и жизни, которые оказали бы только услугу порицателям монашества.

Монахов нельзя выписывать, как товар: надобно завести их, а это

делается вниманием управления.

Древним правилам не противно, а с обстоятельствами настоящего века сообразно, не постригать женский пол ранее 30 лет возраста.

Когда мне случалось говорить с пишущими устав монастырский, я всегда советовал умереннее законополагать для всех, чтобы исполнение было вернее. А ревнующие могут втайне приносить особые добровольные жертвы, под особым руководством.

Чтобы меньше затрудняли слабости молодых, надобно внимание во время представления к пострижению. Кто только наружно стеснял себя, чтобы пролезть сквозь сию дверь, тот, прошед, скоро расплывается, а извергнуть за ограду труднее, нежели не принять в оную.

Думаю, что древние отцы поступали в монашество только в присутствии единокоренных и единомолитвенных братии, в устранение от мирских любопытствующих глаз.

Хорошо, если человек возвращается на место первого обещания, усмотрев свою неудачу и погрешность в удалении от онаго. Но если он ищет возвратиться туда, где прежде проложил себе пути к суете и удовлетворению страстям: то не должно ли опасаться, что возвратится на искушение?

Церковные дела

Учите, и пусть учат прочих, утверждать церковный порядок на благоговении и страхе Божиим. Тогда будет он хорош без умножения и разнообразия полицейских распоряжений.

Представления к рукоположению должны быть с предосторожностью и возможным дознанием благонадежности. Может быть, не худо бы взять и сделать известным представляемым к рукоположению правило, что удостоенный рукоположения не должен по крайней мере три года произвольно искать перемещения из той обители, в которой получил рукоположение.

Вы знаете завещание: *руки скоро не возлагай*. Не сержусь, не осуждаю, но боюсь. Вчера неудержимо слабый, а сегодня иеродиакон, какое тут уважение к таинствам? Какое наставление для братии? Не соблазн ли это? Не искушение ли самому, кому поблажают? Вы хотите, чтобы благодать сделала то, чего мы не начали, не то говорит благодать: *сии убо да искушаются прежде, потом же да служат, непорочны суще*.

Мысль, как смотрят ныне на духовенство, ничего не значит при выборе сего звания. Мало ли как смотрят и на христианство! Сказано, горе, егда добре рекут вси человецы, а нигде не сказано, чтобы была беда, когда иные худо смотрят. Кто не чувствует иного побуждения в духовную службу, кроме наемнического, чтобы иметь хлеб, тому лучше не вступать в оную. Но кто видит, что призывается к оному рождением, воспитанием, склонностью, и боится духа наемничества, тот может вступить в оную, дав себе слово выбирать место не то, которое выгоднее, но то, на котором удобнее принести некоторую пользу чадам Церкви.

Если испросят позволения посвящать во священники не ученых прежде 30 лет возраста, то сделают дело, сколь противное церковным правилам, столь же вредное для управления. Эти люди теперь обыкновенно исключенные ученики, т.е. выброшенные, как негодные. Их долго надобно испытывать, чтобы годились в священники, а ранее производство во священники из таковых дает самых худых священников.

Вы знаете, что в нашем звании надобно не только поступать безпорочно, но и от безпорочных дел удерживаться, если бы они подавали случай неведущим или неблагонамернным сделать для них неблагоприятное толкование.

Вспомнить и в дело употребить воспоминание, что Апостолы и древние Отцы Церкви устроили и распространяли Церковь и разрушали

загромождение ересей не силой внешних законов языческого мира, но силой крепкой веры, любви и самопожертвования.

Надобно чтобы обращение (иноверных) созревало под действием слова силы и духа, тогда оно надежно, а не тогда, когда более рукою плоти совершается.

Крестьянка совращена в раскол неволею, ничего не знает, как сама говорит, однако ж, не хочет оставить раскола. Как изъяснить сие? Упорством ее? Пусть так. Но не надобно ли к изъяснению сего присовокупить еще причину: что в нас, служителях истинной веры, мало духовной силы, а может быть, и духовного разума... Смиримся с нашей школьной ученостью, которая не имеет и столько силы, сколько невежество, может быть, умилосердится Бог, смиренным дающий благодать.

Призвание наше, по возможности, исправлять людей, а не раздражать. Кому можно, надобно сказать с кротостью и доброжелательством наедине, как оскорбительно для Церкви и для него лично презреть благочестивые правила, чтобы уловить сладкий кусок или приятный звук, и как это соблазнительно для других, и горе тому, кем соблазн приходит. Потом учить и обличать в проповедях, без близкого указания лица.

В обличении заблуждений и заблуждающих терпимость, спокойствие, кротость, снисхождение, осторожность так же нужны, как и ревность.

Мудрый говорит нечто подобное следующему: по уважению и любви к высшим не очень удаляйся от них, но и не очень приближайся к ним, чтобы не случилось быть им в тягость.

Нередкая в наше время черта, что люди мнят знать дело, ревновать о пользе, службу приносить Богу, а на самом деле угадывают (и то не всегда удачно) мысль, которая теперь в моде и покровительствуется сильными, и служат ей, в надежде, что и она им послужит. Не так создается истинное благо Святой Церкви. Простите меня.

Исцеленному должно быть наставление – не всем о сем рассказывать, чтобы не присял враг плевел тщеславия, но только по надобности, людям благонамеренным, или таким, в которых опытом нужно возбудить веру. Не читали ли Вы, что и Господь употреблял сию осторожность? Например по воскресении дочери Иаировой: *Запрети им много, да никтоже увест сего.* (Марк. 5, 43).

Слава дел Божиих идет сама собой, а человеки из самых благодеяний Божиих иногда делают себе искушение. Посему и Господь иногда глаголаше: *возвратися в дом твой к твоим и поведай, елика ти сотвори Бог, а в другое время повеле никомуже поведати бывшее.*

Дела Божий надобно открывать, но верующим или имеющим нужду в подкреплении веры, а не без разбора; а выставление оных напоказ, с побуждениями своекорыстными, наводит опасение, да не горше что будет избавленному.

Есть предметы, о коих по надобности можно писать, хотя они и неприятны, но есть другие, о коих речь бывает собственно только между духовным отцом и сыном, о таких не должно писать, разве под общим наименованием тяжкого искушения или греха; ибо письмо подвержено разным нечаянностям и может обнаружить тайну совести ближнего.

Теперь посторонние к нам строги, а мы хотим быть к себе снисходительны. По порядку, посторонние должны быть к нам снисходительны, а мы к себе строги.

Оценка драгоценностей кажется мне делом не церковным. Но если надобно, пусть оно сделается.

Хорошо, когда *вольная уст* и рук приносятся *Господу*, о сем Он *благоволит*. Не надобно с домогательством вынимать из уст и рук ближнего дары *Господу*.

Надобно пожелать пастырям древнего искреннего общения и взаимного совета о полезном для Святой Церкви, без предубеждения к собственному каждому мудрованию.

Если и светские должны служить безкорыстно, кольми паче духовные. Духовному лицу подумать, что он несравнен в награде со светским – это искушение, которое надобно победить; и жаловаться на сие есть некоторая уступка искушению.

Нам, которых доверчиво и вместе поучительно называют духовными, должно пешись о внутренних и духовных украшениях. Тем, которые вводили разнообразие внешних украшений, надлежало иметь проницательную и осторожную мысль. Но когда обычай установлен, неудобно сделать ненужным то, в чем прежде нужды не знали.

Апостол вечно не хочет делать невинного дела, если оно может послужить поводом к соблазну, хотя неосновательному. *Не имам мяса ясти* и проч. Не так ли должно и поступать?

Доброе дело назидать души, но притом те, к назиданию которых человек призван. Но также доброе дело и то, чтобы не подавать повода к смущению и соблазну.

Если мысли и слова мои покажутся вам суровы: то вспомните слова Соломона: *достовернее суть язвы друга, нежели вольная лобзания врага*.

Надобно когда-нибудь напомнить то, что очень понятно, но чего не хотят приметить – что люди светские, работая в церкви, по светским

идеям не зная дел церковных и не удостоивая принять совет от людей церковных, могут впадать в погрешности и причинять соблазн.

Апостол требует, чтобы священнослужитель даже чада имел не в укорении блуда. И примечательно, что он говорит не о деле только, но и о укорении, о худой молве. Как же будут в церкви смотреть на служащего диакона, о котором укорение блуда очень гласно?

Когда, рассуждая с одним светским человеком, основательным и опытным, о выборном начале, я упомянул, что некоторые архиереи приложили оное и к избранию благочинных, тогда он сказал: это нелепо, благочинный – доверенное лицо архиерея, как могут посторонние подставлять человеку, против его убеждений, доверенное лицо? Выборное начало приложить можно к должностям духовников, депутатов, членов духовных правлений и даже консисторий. Не удобнее ли в сем случае согласиться со светским человеком?

Если бы признать, что всякий жребий показывает волю Божию, то по делам не было бы нужно ни рассуждать, ни собирать сведения, а только бросать жребий. Но Богу угодно, чтобы мы искали справедливого рассуждением, трудом и доброй волей.

При очищении причетнического звания, не худо бы одинаковому правилу подвергнуть низведенных в причетники священников и диаконов. Сии люди очень затрудняют архиереев, заботящихся о чистоте епархии. Падший со степени священства в грубые поступки хуже причетника: более грешит, более соблазняет, более оставляется огорченною Благодатию. Скажут: исправился. Поверишь – он сделает хуже прежнего.

И мысль о юбилее для меня непривлекательна. У евреев юбилей был важный закон и в отношении к церкви и в отношении к гражданскому порядку. Он освобождал впадших в рабство, и возвращал заложенные земли. Папы в средние века ввели его в Римскую церковь, чтобы получать доходы от посещающих Рим и от индельгенции.

Ректор Академии пишет ко мне, чтобы по случаю юбилея дал я деньги на составление какого-то капитала и собирал деньги с других.

У евреев в юбилей прощали долги, а у нас в юбилей налагают подать.

В каноническом праве западном римском и протестантском есть постановление, чтобы доход одного или нескольких месяцев от вакантного места отдавать сиротствующему семейству занимавшего место, и если сирот нет, то употреблять на человеколюбивое дело, по усмотрению епископа. Неужели это худо?

Праведно ли строить церкви, не только без нужды, но и при избытке, по одному произволению?

По древнему обычаю, алтарь должен быть с предалтариями, а жертвенник в предалтарии должен быть доступен мирянину для приношений. Где сие есть, там советую мирянину не проникать далее предалтария. К сожалению, древнее расположение храма большей частью утрачено, и идущий с просфорой к жертвеннику по необходимости идет в общем алтарном пространстве. В таком случае советую, как можно, не приближаться к престолу.

Не завидую свечному богатству; но дивлюсь, как решаются на такое многосложное дело и как умеют вести оное. Оно требует не мало искусства, работы, счетов, верности, многих озабочивает, едва ли не тяготит. Теперь, когда примером подается повод к тому, что все архиереи могут сделаться фабрикантами, и многие священники приказчиками, желал бы я знать, как сие устроено и откуда берут мастеров.

Рай – алтарь отверст, все наполняется благоуханием святости, созерцают Творца и творение, восклицают *слава* и *аллилуиа Сотворившему вся*, ни о чем не просят, так как в блаженном состоянии нет нужд. Часть сия оканчивается, когда затворятся двери рая – алтаря.

На что притворы? – Отвечаю; очень нужны, для исполнения даже обыкновенного устава. Лития предписана в притворе, а теперь поневоле совершают ее в церкви, только близко спиною к западным дверям, в чем нет мысли. Для оглашения нужен притвор, а теперь оно также совершается в церкви, чем нарушается чин, или на открытой паперти, что неудобно. Нужен притвор и для родивших, приходящих для разрешительной молитвы. На что крещальня? Очень нужна, хотя не такая обширная, как бывало прежде. Хорошо ли, что теперь на время крещения приносят в церковь ширмы, которые опять понесут в спальню? – На что верхние хоры? – Прекрасно было бы, если бы сделаны были с удобностью, и чтобы можно было восстановить, хотя не во всех церквях, древний порядок, чтобы женский пол отделен был от мужского.

Неприятно видеть в алтаре пустое дерево иконостаса, когда передняя сторона позолочена, тут есть несообразность и неискренность; хотят хвалиться перед зрителями, а святость, говорят, не осудит. Но сего не будет, когда в иконостасе с обеих сторон будет дерево.

Спрашиваю: для чего создается и освящается храм? Для Богослужения вообще? Оно совершается и вне храма. Для таинств? И большая часть таинств могут совершаться вне храма. Только одно таинство, таинство Тела и Крови Христовых, непременно требует освященного храма. Следовательно, храм создается и освящается наипаче для того, чтобы в нем было священнодействуемо и хранимо Тело и Кровь

Христовы. Для сей величайшей на земле святыни требовалось святое хранилище. Из сего следует, что только по крайней нужде Тело и Кровь Христовы могут быть выносимы из храма, а имеющий оные в простом доме или келлии, без нужды, оскорбляет сию святыню.

Почему не приобщать мирян преждеосвященными Дарами? Ибо какими, как не преждеосвященными, приобщают больных? Детей нельзя приобщать, потому что соединение, в которое погружаются Св. Дары, освящается только их прикосновением, а не было освящено и преложено таинственно.

Чтобы вместо Преждеосвященной литургии служить Златоустову для дня чьего-либо рождения, священник не должен сего делать, а мирянин просить.

Быть освящению храма в Великий пост возбраняет устав. Правда я однажды нарушил сие правило, разрешив освящение в Великий пост церкви, но это было по вине, думаю, весьма благославной, чтобы приходу сгоревшей церкви доставить и утешение и удобство пользоваться святынею в пост и в Пасху.

Забота о свечах для храма не должна быть чрезмерна. Высокие и толстые свечи и умножение их без нужды нередко вредят благообразию храма. Свет свечи должен означать благоговение к святой иконе и давать удобство видеть ее, а большая свеча заграждает ее для зрителя. Должно делать нужное и приличное, а не мечтать о великолепии бесполезном.

Если таинство брака, совершенное не греко-российским священником, признать недействительным, то надобно недействительным признать и таинство крещения, совершенное не греко-российским священником. Но, как последнее было бы прямо против канонических оснований, то и первое утверждать сомнительно и опасно, чтобы не быть в противоречии с правилами и с самим собой.

Вопрос о счете трех последовательных браков трудно разрешить без собрания случаев. На первый раз мне представляется, что может не идти в счет брак малолетнего, в случае разлучения прежде совершеннолетия, и брак насильно восхищенного, не сопровождавшийся сожитием. Брак с неспособными сюда отнести сомневаюсь: ибо таковой брак расторгается по трехлетнем купно-житии, которое если почесть ни за что, то понятие о браке будет слишком тесное и грубое.

Трудно выговорить, чтобы облачение приобщить к наследству; ибо по древним церковным правилам церковная собственность всегда отделялась от личной; и не слыхано, чтобы омофор переходил к наследникам или наследницам.

Встречное обвинение жены, по всем свидетельствам распутной, если бы соединено было с очевидными доказательствами истины, в сем только случае могло остановить развод и подвергнуть следственному очищению мужа. Кроме сего случая, встречное и бездоказательное обвинение должно быть оставлено без уважения. Иначе всякий виноватый, доказанный, мог бы путать обвинителя встречной ябедою.

Хорошо делать новые законы, чтобы отвратить новые, из измененных видов и отношений общежития возникающие преступления, или чтобы надежнее охранить и обезпечить людей честных и невинных. Если бы надобен был какой закон, для того чтобы уменьшить преступления против святости брака, столь явно иногда попускаемые, или чтобы обезпечить ищущих брака по рассудку, в страхе Божиим, в естественном законном послушании родителям, может быть, и меня не устрасила бы дерзость новости. Но делать новый закон, чтобы угодить людям необузданных страстей, которые, где вчера видели святость родства, туда сегодня простирают преступные желания; полно, стоит ли труда?

В наш расслабленный век едва ли можно епитимий вести точно следом за правилами, надобно всего паче по состоянию кающегося наблюдать, чтобы епитимия вела его к исправлению, предохраняя от двух крайностей – от безстрашия по причине послабления и от отчаяния по причине строгости.

«Для чего ты не стараешься, чтобы древнее здание связано было новыми связями» (без которых оно стояло и стоит, и которые, может быть, и не выработаются)? На сей строгий вопрос, может быть, надобно отвечать: надобно прежде позаботиться о том, чтобы воспрепятствовать подкапыванию здания.

Любопытно было бы знать, как мог Пальмер не предпочесть Востока Западу? Это, думаю, потому, что политические облака останавливали глаз, чтобы он не проникал в духовный свет, потому что на Западе более образована способность искать и привлекать; и наконец потому, что благовиднее и удобнее отчалить от Англии и причалить к Ирландии, нежели представиться одиноким сыном Востока посреди Запада. Что будет с добрым Пальмером? – Да посетит его Восток свыше, когда земной Восток может быть недоволен деятелем, чтобы принять его в свои объятия.

Читайте святителя Тихона и посмотрите, что такое простота церковная.

Скудность в средствах для исправления и улучшения в церквях не должна обезнадеживать. Это надобно делать постепенно так чтобы вместе

с сим исправлялось и народное мнение. Явится хороший пример, найдутся подражатели.

Окладами на иконах никогда я не пленяюсь. Представляют богатство, а живость изображений закрывают.

Символические изображения внесены в Церковь не по духу церковных постановлений и не на пользу народу, который их не понимает и который должен быть поучаем церковными изображателями. Если встретятся и вне алтаря символические изображения, надобно заменить их историческими.

В служении нужна простота, естественность и внятное слово, без поспешности, но и без косности. Проповедываний без аналогия я бы не посоветовал.

Говорение без аналогия как будто хочет намекнуть, что говорится без приготовления. Я имел перед собой аналогии, когда и без написанного говорил. Однажды случилось мне говорить без него; но потому что поздно на дороге в церковь думал, говорить ли, и что говорить, и решился говорить тогда, как уже поздно было сделать остановку, для истребования аналогия.

Народ наш еще не довольно настроен к напряженному и вродолжительному вниманию, краткое, близкое к разумению и к сердцу слово он берет и, не роняя, уносит.

Правила церковные обязывают нас еще с вечера готовиться к литургии молитвой и охранением себя от всего, нарушающего мир душевный и чистоту мысли; и я, будучи на месте священника, не позволил бы себе, облачившись к литургии, затем разоблачиться и обратиться к посторонним делам.

Позволительно ли служителю алтаря христианского приносить к нему смрад по неестественной прихоти употребленной ядовитой траны, и ие должен ли готовящийся к сему служению предварительно остеречься, чтобы не оставить в себе привычки, несообразной с достоинством служения?

О естественном и законном употреблении сказал апостол: Не имам ясти мяса во веки, уа не соблазну брата моего. Неужели служащий алтарю или готовящийся к сему решится сказать: буду угождать неестественной прихоти – пусть соблазняются.

Надобно ли сказывать, что крестный ход бывает для взаимного возбуждения к молитве, а не для празднословия и рассеяния? Что священники должны подавать пример народу? Что им надобно смотреть на предносимую святыню, а не на толпу народную, песнословить, а не

празднословить, молиться Богу из глубины души, а не рассеиваться и рассеивать других безвременными приветствиями? Солдат в строю пред офицером станет ли кланяться и разговаривать? Разве менее благочиния нужно служителю Божию пред Богом?

На возложение крестов наперсных чина нет: и как быть чину на то, что есть отступление от древнего чина? На людей особенного достоинства возлагаю я в церкви на малом входе.

Скажите консисторам, неужели они не слышат вопля, который от их мест слышан до Петербурга и до Синода? Сегодня случилось мне читать у пророка Иеремии, между просим, XXI, 11–14; XXIII, 1–3. Попросите их от меня позаботиться, чтобы не подвергнуться сему грозному суду.

Все Консистории на свете также деятельны для пустой формы дел, как недейтельны для их сущности.

Немалая предосторожность в том, чтобы подчиненные, как можно ближе и непосредственнее видели действия начальника, как исходящие от него самого, а не управляемые влиянием посредников. Может случиться, что Секретарю заплатят, чтобы затмить важное обстоятельство в деле; и Консистория не досмотрит: но когда архиерей, не доклад слушая, а рассматривая подлинное дело, откроет истину и даст свое решение, люди увилят, что не за что платить Секретарю и Консистория будет учиться вострее держать ухо.

Что монастыри давать архиереям вместо аренды не полезно, об этом я говорил и тем, которые берут, и тем, которые дают.

Викариев умножать надобно с рассмотрением, где нужно, и где благонадежно.

Надобно, чтобы местные Архиереи были деятельны, прежде могут быть полезны у них Викарии.

Правило говорит, что епископ не может одним словом своим обвинить человека не обличенного, и справедливо; иначе всякого честного человека можно было бы сделать виноватым.

Надобно самим епископам возбуждать в себе и окрест себя церковный дух.

Не светлая то черта, что преставившийся епископ оставил около 100,000 рублей. Может быть, она просветлеет, если найдется о них завещание общепольное.

Недавно Кишиневское епархиальное начальство за безчиние в церкви приговорило священника к низведению в причетническую должность, а Государь Император, по дошедшему до него сведению, повелел лишить его сана. Решение Государя – свято; Бог благословит его за ревность по

доме Божиим, а нам стыд, нерадивым стражам святыхи Господней.

Об орденах Митрополит Платон представлял блаженные памяти Императору Павлу. Но дух века сего поставил на своем. Когда уже есть обычай общий, частному лицу надлежит употреблять его в пользу, в какую только можно, и не делать из него страсти.

Если бы надлежало объявить войну какой одежде, то, по моему мнению, не шляпам священнических жен, но великоплепным рясам архиереев и священников. По крайней мере, это во-первых, но сие-то и было забыто. *Священницы Твои, Господи, да облечутся правдою.*

Архиерейское домоправление есть фантазия. При архиерее положены эконо и ризничий, как хранители и исполнители, а все определяет он сам. Так по закону. Но иные архиереи за лучшее признают выдумать домоправление.

Разлука с родными также есть выгода, хотя болезненная. Замечено, что в нашем состоянии близость родных более стесняет, нежели облечает, и вообще, когда Промысл отторгает от частного любления, сие, по намерению его, есть влечение ко всеобщей любви, к которой, ей, надобно поспешать, хотя и не без утомления в пути.

Архиерею осторожно должно вести себя в отношении к родственникам, которые служат в его епархии, а из других епархий родственников лучше совсем не брать.

Писано есть: врази человеку суть домашние его. Сие слово не раз сбывалось над епископами, когда они очень близко себя окружают родственниками и без осторожности приемлют их советы и ходатайства. *Имей уши слышати, да слышит.*

Аще гонят вы во граде, бегайте в другой, сия власть дана служителям не города или дома, но служителям мира, которые, куда бы ни пришли, везде у своего места. Требовать себе такого права для нас много. Если все побегут и никто не останется на месте, то бегущим некуда будет и прибежать. Сия нелепость указывает на истинную обязанность каждого стоять на своем месте и охранять его. Вы хотите иметь опыт в другом месте, почему вы знаете, что не попадете в место еще труднейшее.

Мало ли из нас нездоровых? Взять ли со всех иго Христова и положить на крепких силою волов и ослов?

Надобно, чтобы духовное возбуждение от архиереев простиралось на начальников и наставников училищ, а оттуда на учеников. А если не так, то какой комитет вдохнет во всех них дух жизни? Составьте какой угодно комитет, выдумайте какой угодно устав, он будет мертвая буква, и новое будет слабее старого, которое разорите. Одно для духовных училищ

потребно и очевидно: устраните чуждые предметы учения, насильно навязанные и без пользы обременяющие.

Нужно найти в духовенстве людей, особенно преданных Православию и своему служению, и их со вниманием, благоволением и терпением направлять и поддерживать. Для них особенно должны быть открыты отношения к начальству свободные и простые. Тогда можно пробудить действие одушевленное и можно возбудить других к подражанию.

Надобно обращать внимание и на то, чтобы действовать в мире с гражданским начальством. Мирные власти подкрепляют одна другую в деле общепольном и делают ход его благопоспешным и благонадежным.

Подумаем, возлюбленный брат, понятно ли, полезно ли учим, ведем ли на путь подчиненных учителей, или сбиваем с пути, если начнут играть словом Священного Писания, как вздумается. Смирим свой помысл, уменьшим доверие к себе, испытаем свое дело, прежде нежели оно пойдет в народ.

Подумаем, возлюбленный брат, понятно ли, полезно ли учим, ведем ли на путь подчиненных учителей, или сбиваем с пути, если начнут играть словом Священного Писания, как вздумается. Смирим свой помысл, уменьшим доверие к себе, испытаем свое дело, прежде нежели оно пойдет в народ.

Примечания

¹ - Источник: Мудрые советы святителя Филарета Московского. – М. 1999.

Содержание

Мысли и изречения святитель Филарет Московский (Дроздов)	1
Духовное наследие	2
О божественных свойствах Пресвятой Троицы	3
Бог – источник благодати	4
О близости Творца к Своему творению	5
О дарах Божиих	6
Церковь дарована Богом для спасения	7
Верность и преданность Господу проявляется в соблюдении Его закона и заповедей	8
Справедливость Суда Божия	9
Многими скорбями подобает войти в Царство Небесное	10
Молитва – высшая потребность души и источник всякого блага	11
Какая молитва угодна Богу?	12
Молитвой освящай день	13
Молиться можно везде	14
Благодать испрашивается молитвой	15
Молитвой проверяется духовное состояние человека	16
Послушание любви и послушание страха	17
О радости духовной	18
О внутренней свободе	19
О любви к Богу и ближнему	20
Смирение – соль всех добродетелей	21
О сердце сокрушенном	22
Чистая совесть открывает волю Божию	23
Закон Божий есть закон жизни	24
Жизнь дана человеку для стяжания бессмертия. Все видимое исчезает, как тень	25
Грех разрушает человека и ведет его к гибели	26
Грех врачуется покаянием и постом	28
Не плати злом за зло	29
Уклонися от зла и сотвори благо (Пс. 33,15)	30
О двойственной природе человека	31
Мир лукавый не дает истинного мира человеку	32
Как относиться к земному богатству?	33

О нищете	35
Слово может живить и умерщвлять	36
О молчании	37
Истина Христова просвещает целые народы	38
Истинное просвещение состоит в познании воли Божией и своей немощи	39
О важности семьи и воспитания	40
Дорожи данным тебе временем	41
Крест поднимает на Небо	42
Мудрые советы (из его писем к наместнику Троице-Сергиевой Лавры Архимандриту Антонию (Медведеву) ¹	43
Сборник мыслей и изречений митрополита Московского Филарета, извлеченных из переписки с разными лицами	52
Духовная жизнь и нравственность	53
Наш век	66
Управление и служба	69
Язык	75
Воспитание и учение	76
Богослужение	77
Монастыри и монашество	80
Церковные дела	84
Примечания	95